

ЕВГЕНИЙ МАЛИНИН
Проклятие Аримана
Разделенный Мир. Магистр

Евгений Малинин
Разделенный Мир
Серия «Проклятие Аримана», книга 3

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119571

Малинин Е.Н. Проклятие Аримана. Разделенный Мир: Фантастический роман: АСТ; М.; 2003
ISBN 5-17-014090-8

Аннотация

Он – тот, кто должен сыграть до конца фугу для двух клинков, двух миров и одного магистра, и тогда рухнет заклятие Аримана, закольцевавшее два мира...

Он – тот, кто однажды заснул – и очнулся ото сна уже в Разделенном Мире. В Мире, где он обладает Мечом Поющим и Кинжалом Молчащим. В мире, где, как нигде более, сильна власть колдовства. Так начинается его путь. Путь ученика, в крови и опасности ставшего магом...

Но – вновь открывается путь меж миром нашим и Миром Разделенным. Открывается для магов Земли, посланных Советом на поиски книги-фуги и двух клинков – на поиски Вещей Силы, – коим подсилено разрушить Проклятие Аримана. Однако не каждому из рожденных на Земле возможно противостоять мечу и магии Разделенного Мира. И – горе тем, кого ожидает смерть, но-трижды горе тем, жребий кого будет страшнее смерти. Что же предстоит ему – коему должно проследить путь горстки смельчаков, сгинувших во тьме и гибели Разделенного Мира?..

Содержание

Прелюдия	4
1. Камень первый	11
Интерлюдия	36
Камень первый (продолжение)	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Малинин

Проклятие Аримана. История Третья

РАЗДЕЛЕННЫЙ МИР

Прелюдия

*...Плох тот ученик, который не мечтает стать корифеем...
Из книги Серого Магистра «Заклятие для дурака»*

Дракон был могуч и прекрасен. Его покрытое иссиня-черной чешуей тело казалось несокрушимым, и в то же время стремительным и гибким. Воздух, распарываемый огромными крыльями, ревел под напором многотонной махины бронированного ящера. Раз в пять-шесть секунд изящная, слегка приплюснутая голова, украшенная коротким рогом, выплевывала из зубастой пасти семиметровый фонтан огня, и стоящую по берегам Байкала тайгу спасало только то, что драка происходила высоко в воздухе.

Да, дракон вел битву и, несмотря на всю свою мощь, проигрывал ее. Четыре небольшие, юркие оранжево-огненные саламандры, едва различимые в ярких солнечных лучах, терзали огромную тушу дракона, ловко увертываясь от его беспощадной пасти и растопыренных лап, вооруженных острейшими когтями. А струи огня, которыми дракон непрерывно поливал оранжевых малышей, были для них чем-то вроде освежающего душа – после купания в огне их силы только возрастали. Дракон изнемогал...

Магистерский экзамен по боевой магии продолжался уже четыре часа. Вначале четверо моих экзаменаторов пытались подвести под место, где я базировался, локальное землетрясение, для чего организовали микроразлом земной коры. Не успел я залепить вязкой магмой трещину, как каждый из них бросил против меня по смерчу. Правда, лишь одному из этих смерчей удалось приблизиться к моему командному пункту ближе чем на сорок километров, но и он был благополучно отброшен в сторону Тихого океана. После этого мои brave экзаменаторы решили обрадовать солнечную Бурятию невиданным грозовым фронтом, для чего попытались притащить массу кучевых облаков, толпившихся над Охотским морем. А когда я разметал готовящуюся грозу подвернувшимся кстати воздушным потоком, они сварганили этого самого красавца дракона, организовали, так сказать, точечный удар.

И все-таки, несмотря на изнурительную четырехчасовую оборону, мне было вполне по силам поднять в воздух и без особого труда удерживать еще четырех саламандр, что быстро решило бы исход боя. Однако я помнил, что против меня выступали три мага под руководством магистра, поэтому надо было быть начеку и иметь запас мощности.

Стоило мне подумать о возможных обходных действиях моих противников, как на периферии Истинного Зрения, километрах в сорока к северу, я заметил двух черных демонов, появившихся на опушке таежной поляны. Они выползли из тайги и принялись озираться, определяя направление дальнейшего движения. «А вот и ожидаемый обходной маневр...» – подумал я, раздваивая внимание.

Приглядевшись к новым действующим лицам, я понял, что мои экзаменаторы выдыхаются. Направлявшиеся в мою сторону демоны мало того что шли пешком, не в силах подняться в воздух, они к тому же были основательно потерты. Шкуры у них отдавали в проседь, один из них был вообще комолым, у второго один рог был обломан, а острие второго совершенно стерто. Да и шагали они словно после ударной смены в глубинном забое.

Прочертив правым безымянным пальцем в воздухе мгновенно вспыхнувшую пентаграмму, я произнес стандартное заклинание, и передо мной появились, вынырнув из Преисподней, два огненно-красных демона с совершенно зверскими рожами и длиннющими хвостами, с кисточек которых сыпались оранжевые искры.

– Приказывай, магистр и господин!.. – рявкнул старший. Младший молча вытянулся по стойке «смирно» и «ел» меня глазами. Я лениво протянул руку в направлении черной парочки и коротко бросил:

– Разберитесь... – Демоны с ревом устремились в небо.

Когда две стремительные красные ракеты вынырнули из-под сосен, окружавших мой командный пункт, дракон от неожиданности дернулся в сторону, сломав изысканную петлю полета, и в тот же момент одна из моих саламандр врезалась ему в открывшееся брюхо, вырвав с мясом десяток бронированных чешуек и опалив оголившуюся плоть чудовищным жаром. Дракон взревел от боли и ударил по собственному брюху когтистой лапой, но оранжевой малютки там уже не было, а выпущенные драконом когти значительно расширили брешь в его же чешуйчатой броне.

Демоны между тем, не обращая внимания на бушевавшую в окружающем их воздушном пространстве битву, по заранее рассчитанной траектории понеслись в сторону своих чернокожих братьев. Я задействовал сопровождающий их Взгляд и, продолжая управлять саламандрами, одновременно наблюдал за действиями своего десантного подразделения.

Когда мои краснокожие посланники свалились буквально на головы черных пешеходов, те разом упали на колени и заревели:

– Мы за наших... мы за наших...

Было ясно, что наложенное на них заклинание совершенно не дает им внешней энергетической подпитки, а всего лишь удерживает этих ребят в нашем мире. Две огромные красные фигуры нависли над коленопреклоненными черными малютками, но в этот момент я изменил задание. «Представьте мне того, кто послал черных», – мысленно приказал я своим командос.

– Где прячется пославший вас злодей?! – проревел один из красных, в то время как второй молча отпустил каждому из черных по звонкому щелбану.

– Мы все покажем...

– Мы не утаим... – хором ответили черные и, вскочив на ноги, порысили обратно в тайгу. Красные оторвались от земли и на бредущем поплыли за своими провожатыми. Буквально через несколько минут черные демоны приблизились к укрытой густыми кустами лоцинке и, нырнув в заросли, выволокли оттуда... Гришу Бубнова, мага общей магии, одного из противостоящей мне четверки. Разговорчивый красный наклонился над Гришкой и проревел:

Ты кто такой, чтоб докучать магистру,
Чтоб, вызвав пару этих чернышей,
Пытаться настроение испортить
Великому в Искусстве чародею?..

А молчаливый неожиданно, не в размер, добавил:

– Что? Попался?..

Тут Григорий невпопад ответил:

– Ну, Илюха, ты вообще офигел...

Оба моих десантника взревели от такого хамства и, ухватив Гришку за ноги, взвились в воздух. Несколько искр с пылающих хвостов упали на их немощных черных собратьев, и те, с негромким щелканьем, исчезли. Пара красных демонов летела рядом, а между ними

ногами вперед летел Гришка. Его легкая ветровка, сорванная встречным потоком воздуха и державшаяся только на запястьях, развевалась, как маленькое знамя, а лысая башка медленно багровела от приливавшей крови. Через минуту демоны стояли передо мной, выставив вперед свои лапищи с зажатými в них Гришкиными ногами. Гриша спокойно висел вниз головой, понимая, что с имеющимися ресурсами самостоятельно ему не освободиться.

О повелитель, выполнен приказ!
Твой недруг глупый нами обезврежен
И пред твои недремлющие очи
Доставлен для суда и наказания!..

– доложил старший, а младший взял на себя смелость добавить:

– Вот он!!!

Я, щелкнув особым образом пальцами левой руки, опутал Гришку Нитью принуждения и одновременно отпустил обоих демонов. А затем снова переключил внимание на происходившее в небе.

А там две саламандры, пристроившись к дракону сзади и уворачиваясь от ударов его хвоста, рвали в клочья его задние лапы, уже практически неподвижные и полностью лишенные когтей, третья атаковала снизу оголенное брюхо, а последняя, набрав высоту, пикировала прямо дракону в лоб. Дело, похоже, подходило к развязке. Дракон, не обращая внимания на вцепившихся в его задние лапы, пытался передней отогнать саламандру, атаковавшую его брюхо, и в то же время, широко разинув пасть, встретил пикировавшую на него сверху мощным, но уже достаточно дымным факелом. И тут оранжевая малютка нырнула прямо в пламя и исчезла в разинутой драконьей пасти. Дракон захлопнул огромные челюсти и на секунду изумленно завис в воздухе, а через мгновение его лишенное чешуи брюхо с громким треском лопнуло и оттуда, словно маленькая торпеда, выскочила моя саламандра, на ходу разрывая внутренности своего бронированного противника.

Дракон, свесив голову, посмотрел на кровавые ошметки, вывалившиеся из его брюха, а затем сложил крылья и с нарастающим ревом, медленно вращаясь, круто пошел к земле. В последний момент управлявшие им чародеи успели снять свои чары, и бронированная туша рухнула в тайгу, ломая вековые сосны. Через мгновение послышался негромкий взрыв, и к небу поднялось небольшое темное облачко – все, что осталось от красавца дракона. Саламандры, построившись ромбом, сделали в небе над местом гибели дракона мертвую петлю и тихо растворились в посиневшем вечернем небе.

Я ожидал следующего хода своих противников, поскольку контрольное время экзамена истекало часа через два, но неожиданно из-за ближайшей сосны показалась сморщенная рожица знакомой кикиморы. Она сурово взглянула на меня из-под поломанного козырька старой милицейской фуражки и пробурчала начальственным голосом:

– Посредник объявил, что схватка закончена. Тебе надлежит явиться на полигон для разбора действий и обмена пленными...

– Это какой такой обмен?! – возмутился я. – Это кто ж это из моих в плен попал?!

– Знать ничего не знаю, – сразу сбавила тон кикимора. – Чего мне приказано, то я и докладую... – И кикимора, быстро юркнув за дерево, исчезла.

Я повернулся к Гришке, сидевшему на низеньком пеньке. Он тоскливо посмотрел мне в глаза, подпустив в свой взгляд недоумения и горечи, а потом покивал головой и заныл.

– Э-э-э, не стыдно?.. Это ж надо, на друга двух демонов натравил... И где только таких красномордых зверей откопал?..

– А тебе не стыдно? – перебил я его. – Ты зачем четвертым экзаменатором согласился быть?.. Как будто ты не знал, что если четверка не набирается, испытания не проводятся и экзамен принимается автоматом...

– Да ладно... Подумаешь, одно испытание... Ты и так четыре «автомата» получил, что ж тебе, совсем без испытаний магистром становиться?.. И потом...

– И потом ты слышал, – снова перебил я его, – как первогодки ученицы шептали у тебя за спиной: «...Ах, ах, глянь, глянь, это тот самый Бубнов, который Милина испытывать будет...» Ну и рожа у тебя в этот момент была!..

Гришка густо покраснел.

– Да ладно... Какие там ученицы...

– Эх ты... За мой счет свой статус поднимаешь... Ну вот теперь будет тебе статус...

Право слово, я совершенно не разозлился, но Гришаню следовало проучить, а то он в последнее время начал слишком много... на себя брать. Маг фигов...

– Придется тебе, Гриша, здесь немного посидеть. Подумать в тишине о своем поведении...

У Гришки широко открылись глаза.

– Ты что, одного меня здесь оставишь?..

– А тебе компания нужна?

– Ты хоть Нить принужденияними!..

– Ага, чтоб ты сбежать мог...

– Так страшно же заклятому здесь оставаться, мало ли кто сюда заявится, а я совершенно беззащитен!..

– Ты, Гришенька, не бойся. Твоим размышлениям абсолютно никто не помешает.

И я набросил на него пелену. Теперь увидеть его мог только я, для всех остальных он исчез.

Несколько секунд я с глубоким удовлетворением наблюдал, как Гриша, широко разевая рот, пытается докричаться до меня сквозь поглощающую звуки пелену, а затем начал читать заклинание Серой Тропы.

Когда я произнес последнее слово, меня на секунду окутал серый непрозрачный туман, который почти сразу, после сделанных мной трех-четырёх шагов, рассеялся. Я стоял на вытопанной лужайке перед маленьким домиком управления полигоном. В домике, судя по доносившимся изнутри крикам, происходил обстоятельный разговор. Я толкнул дверь и вошел. Катенька, секретарь и помощник Мерлина, ставшего как-то незаметно руководителем полигона, посмотрела на меня своими ласковыми глазами и, вздохнув, вымолвила:

– А вас, Илья Евгеньевич, уже заждались... Слышите, как нервничают...

Я положил ей на стол огромный лиловый букет багульника, который успел наломать перед началом экзамена, и, кивнув на дверь зала для совещаний, поинтересовался:

– Так мне можно внутрь?..

– И почему это, Илья Евгеньевич, ваши цветы совершенно не вянут? Вы знаете, ваши розы, те что вы из Москвы привезли, у меня в вазе корешки пустились... – Она снова ласково на меня посмотрела, потом вздохнула и проворковала: – Заходите. Будут обижать – меня зовите...

И я вошел. В комнате присутствовали все мои противники, исключая, разумеется, Гришу, а также Мерлин и неизвестно откуда взявшийся дед Антип. Насколько мне было известно, мой учитель оставался в Москве и еще четыре дня назад на полигон не собирался. И вот он здесь. Значит, скорее всего что-то случилось!

– ...и вообще, где это видано, чтобы испытуемый похищал одного из испытателей?! – разорвался руководитель группы экзаменаторов магистр общей магии Нгума Томба. Сидевшие рядом с ним испытатели – незнакомый мне маг из индейцев Южной Америки и боевой

маг Витька Бобров по прозвищу Крысоед – энергично закивали головами. Меня в пылу полемики Томба еще не заметил. Его черная, как у старого демона, физиономия, с огромными лиловыми глазищами и широким приплюснутым носом, имела весьма разгневанный вид.

– По утвержденному Высшим Магистерским Советом положению испытателей должно быть четверо! Если каждый соискатель начнет умыкать своих испытателей, у нас пойдут сплошные «автоматы»...

– А что, это мысль! – вступил я в разговор. – Жалко, что у меня больше испытаний не будет!..

Нгума резко повернулся в мою сторону и снова заорал:

– Напрасно надеешься! Я добьюсь проведения повторного испытания, и мы посмотрим, как оно закончится!..

– В таком случае набирайте новую четверку, – спокойно улыбнулся я. Нгума открыл было рот для очередного рева, но вдруг осекся и, скосив глаза в сторону, задумался. Видимо, до него дошло, что после сегодняшнего представления ему четверку точно не набрать.

– Ты все-таки ответь: зачем похитил Гришку и где его держишь? – поинтересовался Мерлин, пряча улыбку в недавно отпущенных, но уже достаточно густых усах.

– Да никого я не похищал, я, кстати, и не знал, где четверка базировалась. А мага Бубнова я захватил в плен в тот момент, когда он организовал нападение на мою ставку. Группа в составе двух демонов пыталась скрытно проникнуть к моему командному пункту.

– Но если ты не знал, где Гришка скрывается, то как же ты смог до него добраться?

– Так его же десантники его и выдали. Прямо тепленьким с рук на руки передали.

– И где он сейчас?..

– Отдыхает в надежном месте и предается размышлениям о собственной непорядочности...

– Так этот кретин, – снова заорал Нгума, – вместо того чтобы управлять драконом, демонов вызывал! Вот, значит, почему у моего красавца задние лапы отказали!..

Молча улыбающийся до сих пор Антип покачал головой и рассмеялся:

– Да, Нгума, подвел тебя твой подельщик. Придется тебе теперь вызывать Илью на поединок. Он, как магистр, получает теперь право принять твой вызов...

– Да пошел он... – неожиданно тихо пробурчал Нгума и выскочил за дверь. Следом за ним наружу просочились и оба его молчаливых соратника.

Мерлин покачал головой:

– Первый раз кому-то удалось без потерь, вчистую, расправиться с драконом Нгумы. Вот он и вышел из себя. Если он сейчас доберется до Гришки, он из него дракона сделает...

– Не доберется... – ухмыльнулся я.

– Ладно, Илюха, – враз посерьезнел Антип. – Пойдем-ка, потолкуем спокойно. – И повернувшись к Мерлину, то ли поставил в известность, то ли спросил: – Мы твой кабинет займем на полчаса.

Мерлин кивнул, и мы, мимо скучавшей Катеньки, прошествовали через приемную в кабинет руководства.

Антип прошел за хозяйский стол, оставляя мне кресло для посетителя. Я уселся и приготовился внимательно слушать, а Антип, казалось, не знал с чего начать. Он постукивал пальцами по столешнице и молча меня разглядывал. Я прекрасно понимал, что мой учитель по пустякам не стал бы покидать Москву. Тем более что я сам должен был быть в первопрестольной не позже чем через неделю. Это означало, что произошло действительно что-то экстраординарное.

Наконец Антип заговорил.

– Ты, конечно, не забыл свой поход за Данилой?.. – Поскольку я молча ждал, что будет дальше, он продолжил:

– Так вот, Магистерский Совет очень тщательно ознакомился с твоим отчетом, просмотрел некоторые из принесенных вами свихнувшихся камней и принял решение о необходимости отыскать клинки и Книгу.

– Наконец-то, – иронически вздохнул я. – Я уже решил, что мой доклад посчитали полным бредом и выбросили в корзину. А оказывается, спустя всего каких-то десять лет этой проблемой решили заняться!..

Антип молча дал мне договорить, внимательно глядя мне в глаза, а после того, как я замолчал, спокойно продолжил:

– Ты напрасно думаешь, что Совет этой проблемой не занимался. Просто мы считали нецелесообразным до настоящего времени привлекать к этой работе тебя. Но за эти десять лет в Разделенный Мир были направлены пять экспедиций, которые провели там в общей сложности почти тридцать лет..

– Не понял?! – перебил я его. – Как это за десять лет они провели там тридцать лет?!

– Ничего непонятного... Просто Время Разделенного Мира течет несколько быстрее земного. Заметь, я не говорю, что там год короче, я говорю, что там Время течет быстрее. В общем, пять групп работали в Разделенном Мире в течение всего этого времени и собрали достаточно много информации об этом мире, о существующих в нем государствах, о царящих там законах и обычаях, о его природе и многом другом. Твое утверждение о закольцованности наших миров, похоже, подтверждается, однако никаких следов интересующих нас артефактов найдено не было. А самое неприятное, что мы, похоже, слишком «наследили» там. Понимаешь, с самого начала руководитель каждой из посылаемых групп назывался Серый Магистр...

– КАК?! – изумленно воскликнул я.

– Серый Магистр, – спокойно повторил Антип. – И из твоего отчета, и из других полученных сведений, и из последующих событий неопровержимо следует, что весь Разделенный Мир уверен в особом предназначении так называемого Серого Магистра. Естественно было назвать нашего главного эмиссара Серым Магистром. Это давало ему серьезные преимущества в работе... – Он замолчал и снова нервно забарабанил пальцами по столу. И тут меня осенило.

– Так, значит, когда ты семь лет назад пропал, ты!..

– Да. Я действительно в это время был в Разделенном Мире, – утвердительно кивнул Антип. И тут же, заметив мой вопросительный взгляд, покачал головой: – Нет, мы ничего не нашли.

Антип замолчал. Ему явно не хотелось продолжать, но, пересилив себя, он снова заговорил.

– Все шло вроде бы нормально, но вот последняя группа... Последняя группа вернулась досрочно... Да какое там «досрочно», они не пробыли там и двух недель. При этом один член группы погиб, а у двоих тяжелейший психический срыв... Руководитель даже покушался на самоубийство... В общем, полный провал и...

– И в Разделенном Мире начали догадываться, что кто-то посторонний вмешивается в их дела?.. – с горечью закончил я. Антип только кивнул.

Мы немного помолчали, а потом я спросил:

– Так чего же Совет хочет от меня?

Антип снова внимательно посмотрел мне в глаза и тихо, но внятно произнес:

– Совет считает, что именно тебе надо возглавить следующую группу...

Это не было приказом, это было предложение, точнее, это была просьба! Но я не загордился... Мне почему-то стало обидно. Поэтому я сухо сказал:

– Прежде чем дать ответ, мне необходимо ознакомиться со всей имеющейся информацией... Подробно...

И тут Антип улыбнулся. Это была улыбка облегчения. Из бывшей при нем сумки он достал объемистую папку, положил ее на стол и сказал:

– Здесь дайджест отчетов всех экспедиций в Разделенный Мир. А вот... – он вынул из кармана и положил передо мной на стол три небольшие серые гальки, мерцавшие разноцветными слюдяными вкраплениями, – ...личные дневники участников последней экспедиции. Просмотри, почитай, если будут вопросы, я постараюсь на них ответить...

Он встал из-за стола. Я неловко засунул камешки себе в карман и, прихватив папку, тоже поднялся.

– Ты все-таки Гришку-то верни. А то забудешь о нем, где мы его потом искать будем, – с улыбкой произнес Антип.

Я не выдержал и улыбнулся в ответ. Потом, сосредоточившись, я нашептал свое фирменное заклинание и с удовольствием услышал сначала грохот в приемной, затем вибрирующий на пределе слышимости Катенькин визг. Далее последовал стук двери и возмущенный рев Мерлина. Мы вышли из кабинета и увидели Гришку, валявшегося на полу приемной с выпученными, ничего не понимающими глазами, прижавшюся к стене Катеньку с такими же ненормально расширенными глазищами и Мерлина, стоявшего над Бубновым и грозно его отчитывающего.

– Вы, молодой человек, потеряли всякое представление о совести и приличиях! Как же можно использовать заклинания для преследования предмета своей страсти! Вы посмотрите, до чего вы довели девушку! А!..

На что Гриша пытался невнятно ответить:

– Я не заклин... Не я заклин... Не закли... я...

Антип покачал головой и сурово процедил:

– А еще маг... – Антип, и следом за ним я, с самыми серьезными лицами покинули приемную.

Поздно вечером, покончив со всеми связанными с экзаменом делами, я достал свою маленькую горелку для разгона свихнувшихся камней и, разложив все три камешка на столе, долго выбирал, с какого же начать.

Всех троих я знал очень хорошо: Никита Петрович, магистр естественной магии по прозвищу Лисий Хвост, Златка – ведьма по рождению и Машенька – ведьма по призванию. Все в этой тройке были серьезными, знающими людьми. Конечно, девочки, по молодости, могли увлечься героикой, подвигами, но обе были достаточно дисциплинированными, чтобы не наломать серьезных дров. Да, тройка была подобрана тщательно. Что же привело ее к такому провалу? Что привело Златку к гибели? Что?!

Наконец, закрыв глаза, я произнес заклинание Спящего Времени, а потом взял наугад первый попавшийся камешек и установил его на подставке. Затем поудобнее уселся в кресле и, дунув с ладони, зажег под камнем пламя...

Последующие шестнадцать часов моего личного времени я просматривал свихнувшиеся камни, изучал записи, обдумывал и связывал воедино все, что увидел и прочитал. К концу работы у меня раскалывалась голова, саднило усталые глаза и ныла шея. Но я, похоже, получил довольно связное представление о том, что произошло с группой. Получалось, что дело было так...

1. Камень первый Магистр по прозвищу Лисий Хвост

26 октября 20.. года. В любом мире есть места, в которых человек забывает о суете жизни и погружается в познание великих истин...

По широкому пыльному, но малоезженному тракту, уложившему свою бесконечную серую спину между цветущих лугов, перелесков и малопроезжимой чащи, в сторону горной страны Тань-Шао шагал одинокий путник в темно-серой хламиде, подпоясанный куском толстой веревки и ношенными, но еще довольно крепкими башмаками. Судя по морщинистому лицу, выглядывавшему порой из-под глубоко надвинутого капюшона, путник был стар. Однако шагал он бодро, широким шагом, размашисто переставляя длинный, отполированный человеческими ладонями посох из сибирского кедра. Сантиметрах в двадцати от верхушки ствол посоха охватывала цепкими лапами резная фигурка крысы. В ее глазницы были вставлены темно-красные камни, посверкивающие при движении посоха. Хвост этой резной красавицы спиралью опоясывал посох, спускаясь до самого конца, окованного металлом. При необходимости этот увесистый посох вполне мог служить оружием, поскольку другого у старика не было. Но, похоже, отсутствие оружия путника особенно не заботило, а может быть, он просто не знал, насколько опасен был этот тракт.

В мире, из которого этот путник явился, его называли Никита Петрович Лисцов, а по другому – магистр естественной магии по прозвищу Лисий Хвост. Здесь же он должен был называть себя Серым Магистром, что ко многому обязывало. Уже два часа, как он, совершив переход, шагал по этому тракту, но столь желанные горы были все еще далеки. И все-таки Лисий Хвост не поднялся в воздух и не ступил на тайную тропу, которая есть у любого магистра, а шагал пешком, ясно понимая, что увидеть и узнать мир можно, только исходив его ногами. А он очень давно хотел увидеть и узнать горную страну Тань-Шао, о которой ходило столько невероятных легенд.

И вот его желание исполнилось – он шагал к таинственным горным монастырям, обитатели которых владели «истинным знанием» или, как они сами говорили, «Сутью». Он тоже хотел овладеть истинным знанием и готов был положить на это остаток своей жизни. Правда, была еще одна задача – отыскать в этом мире меч и парный ему кинжал, а также книгу, которая содержала никому не известную фугу, но Лисий Хвост был уверен, что в Тань-Шао этих артефактов нет. В этом деле он больше надеялся на удачу своих молодых помощников, отправившихся в другие осколки Разделенного Мира.

Дорога нырнула в тень небольшого соснового бора, дохнувшего навстречу разогретым смолистым воздухом, и в этот момент Лисий Хвост услышал у себя за спиной неясное дребезжание. Оглянувшись, он увидел, что его догоняет разболтанная, позвякивающая и поскрипывающая тележка, влекомая низенькой и жутко лохматой лошадкой, напоминавшей скорее рослого пони. В тележке сидел мальчишка лет четырнадцати, босой, в широченных старых, заплатанных портках и широкополой соломенной шляпе с прорванным верхом.

Лисий Хвост посторонился, пропуская тележку, но паренек неожиданно придержал свою лошадку.

– Добрый день, святой отец... Пусть шесть монастырей укажут тебе твой путь, – коротко улыбнулся возница, явно ожидая, что встреченный путник, похожий на монаха, представится.

– Добрый день, – ответил на улыбку улыбкой магистр и спросил: – Как тебя называть, молодец, и далеко ли направляешься?

– Я к себе на хутор возвращаюсь. Могу тебя... до поворота подвезти.

И снова в словах мальчишки мелькнул вопрос.

– Спасибо, юноша, – пробормотал Лисий Хвост, забираясь в тележку. – А то я в ваших местах человек новый... Там, откуда я пришел, меня называют Серый Магистр, – внутренне улыбнувшись, ответил наконец Лисий Хвост на немой вопрос мальчика и очень удивился, почувствовав, как он облегченно расслабился.

Лошадка, словно почувствовав, что люди позади нее устроились, опять припустилась тряской рысью.

– Оно и видно, Серый Магистр, что ты у нас человек новый... Это ж надо, в одиночку по Скользкому тракту пойти! Или не слышал, как тут третьего дня купецкий караван ратерзали? Семнадцать человек с жизнью расстались... А ты один...

– Ну, дорогой мой, кому нужен одинокий старый человек, у которого к тому же абсолютно пусто в карманах?..

– Не скажи, святой отец, Кудлатый Хват не смотрит, что у кого в карманах есть, для него день без душегубства – потерянный день. И ребята вокруг него такие же подобрались. Недавно трое из его ватаги зашли к моему хозяину на хутор и всех, кто там был, просто так порешили. А из добра ничего не взяли, кроме старой доски расписной... И зачем им эта доска сдалась?.. Хозяин с хозяйкой вечером вернулись, а весь двор кровью залит...

– И давно этот Кудлатый Хват здесь появился?

– Да нет, где-то с полный месяц назад.

– Как же святые отцы терпят такое безобразие?.. – Магистр бросил из-под капюшона быстрый взгляд на паренька.

– Так Кудлатый Хват на монастырские стены не лезет, а монахи из монастырей, почитай, и не вылезают. Они ведь как говорят – что в миру делается, их не интересует... Они, вишь, Суть познают. Конечно, если бы монастыри Хватом занялись, от него через неделю мокрого места не осталось бы, только...

Мальчишка не договорил. На обочине дороги, под раскидистым ореховым кустом сидел могучий мужик в старой продранной рубахе и столь же неприглядных штанах. Его левый глаз был завязан грязной тряпкой, пересекавшей лицо и пропадавшей одним концом в буйной, черной, кудрявой, давно не чесанной шевелюре, а другим в точно такой же бороде. Мужик прислонился спиной к кусту, свободно вытянув правую ногу.левой ноги у него не было, рядом с ним лежал заменявший ее костыль. Своим единственным черным, ярко блестящим глазом он внимательно рассматривал подъезжавшую тележку и находившихся в ней ездовых. Лисий Хвост тоже пристально оглядел мужика и неожиданно улыбнулся какой-то своей мысли.

Мальчишка придержал лошадку и тихонько спросил у магистра: – Может, подвезем калеку, магистр?

– Да я не против, – сквозь улыбку пробормотал Лисий Хвост. – Только вряд ли ему с нами по пути...

Возница остановил лошадь и обратился к сидевшему мужику:

– Почтенный, если ты направляешься в город, мы можем тебя немного подвезти...

Мужик молча помотал головой. И тут подал голос Лисий Хвост.

– Может, я смогу тебе чем-нибудь помочь?.. Я неплохо знаю знахарское искусство...

– Да?! – Мужик злобно блеснул своим единственным глазом. – Чтоб тебе пешком шагать до всех шести монастырей! Ты что, можешь отрастить мне новую ногу? Или, может, вставить новый глаз?..

– Это, конечно, непросто, но иногда получаются и более сложные вещи, – ответил Лисий Хвост и соскочил с тележки, намереваясь подойти к мужику. Однако тот быстро схватил свой костыль, выставил его вперед и заорал:

– Езжай своей дорогой, старик, нечего морочить голову простому человеку. Да и денег у меня нет, чтобы оплачивать твое шарлатанство.

Лисий Хвост еще раз внимательно посмотрел на орущего мужика, опять улыбнулся какой-то своей мысли и тихо ответил:

– Я думаю, мы оба знаем, кто кому морочит голову. – А затем повернулся и, снова забравшись в тележку, положил руку на плечо мальчишке.

– Поехали, сынок, как я и думал, почтенному с нами не по пути.

Мальчик, бросив на магистра испуганный взгляд, хлопнул поводьями. Тележка дернулась и покатила дальше.

Но уехали они недалеко. Миновав калеку, лошадка свернула вправо и прошла не больше двадцати шагов, как вдруг из зарослей бузины, обступивших тракт с обеих сторон, выскочили четверо здоровенных мужиков с дубьем в руках и в мгновение ока перегородили путь. Мальчишка дернул вожжи, останавливая лошадь, и широко открытыми глазами уставился на стоящую поперек дороги компанию.

– Сегодня мы повеселимся от души, – неожиданно раздался голос сзади. Мальчик обернулся и увидел давешнего калеку. Только теперь ноги у него были в полном порядке, хотя на мир он смотрел по-прежнему одним глазом. В руках вместо костыля он сжимал длинный грубо откованный меч.

Лисий Хвост спокойно слез с повозки и, сделав три шага вперед, резким движением воткнул свой посох в дорожную пыль перед мордой лошади. Погладив деревянную фигурку, примостившуюся на посохе, он проговорил:

– Вразуми дураков, Дружок, только не убивай их...

Затем, не обращая более внимания на медленно приближавшихся мужиков, он повернулся к их предводителю.

– Ну что ж, рад видеть, что с ногой у тебя все в порядке. Сейчас мы посмотрим, что можно сделать для твоих глаз. – И магистр еще глубже надвинул свой капюшон.

Дальнейшие события развивались настолько стремительно, что мальчик-возница едва успевал вертеть головой, чтобы уследить за ними.

Передние мужики были шагах в пяти-шести от посоха магистра, когда деревянная фигурка на посохе слегка дернулась, а затем, быстро перебирая лапками, взобралась на самую его верхушку и внимательно оглядела нападавших своими тлеющими багровым светом глазками. Увидев, как деревянная крыса пришла в движение, мужики остановились и с удивлением уставились на резного зверька. Но через секунду они снова двинулись вперед, причем один из них пробормотал себе в бороду:

– Эту игрушку я дочке подарю, она у меня любит разных зверушек давить, пусть...

Но договорить он не успел. Хвост крысы, обвивавший посох, развернулся словно стальная пружина и с неожиданной силой хлестнул его по лицу. Из рассеченного до кости лба хлынула кровь, а на щеке повис вырванный из глазницы глаз. Мужик выронил свою дубину и, схватившись ладонями за лицо, со стоном осел в пыль дороги. Стоявший рядом разбойник со звериным воплем взмахнул дубиной, но в тот же момент кончик длиннющего крысиного хвоста обмотал взметнувшуюся кисть и резко дернул на себя. Рука с хрустом выскочила из сустава, а мужик снова взревел, на этот раз от боли.

Двое оставшихся повели себя совершенно по-разному. Один уронил свою дубину и бросился обратно в заросли, а второй метнулся вперед, на выручку своим товарищам. Но он не успел сделать и двух шагов. Крысиный хвост, уложив предыдущего противника с вывихнутой рукой, просто продолжил свое движение и в следующий момент хлестким ударом

по щиколоткам опрокинул последнего из нападавших. Тот попытался вскочить, но крыса, обвив хвостом его ногу, просто отшвырнула бедолагу в сторону. Он упал на дорогу, глухо стукнувшись в пыль затылком, и затих. Крыса еще мгновение оглядывала поле боя, а затем медленно спустилась по посоху на свое место. Хвост привычно обвил посох, однако его кончик слегка подрагивал, словно напоминал о своей страшной силе.

В это время позади повозки предводитель хрипло выругался и, прыгнув вперед, ткнул старика мечом в грудь, прикрытую только темно-серой тканью. Казалось, ничто не может спасти магистра от удара, но в последний момент Лисий Хвост вскинул левую ладонь, и острое меча, упершись в ее середину, остановилось. Одновременно правой рукой магистр начертил в воздухе непонятный знак, а потом плавным движением толкнул неожиданно сгустившийся перед ним воздух в сторону нападавшего.

По черным кудрям мужика пронесся легкий порыв ветра, но через мгновение этот ветерок достиг силы смерча, охватывая своим вихрем всю фигуру предводителя. И вдруг от нее начали отрываться куски одежды и плоти, тут же превращавшиеся в плотные, темные ключья, похожие на маслянистый туман. Эти грязные серые ошметки мгновенно уносились разбушевавшимся ураганом, а дергавшаяся фигура предводителя медленно истончалась, принимая стройные, юношеские очертания. Затем пришел черед головы. Ураган, бушевавший вокруг глухо ревавшего разбойника, принялся облизывать мордату физиономию, словно рашпилем снимая отмирающую плоть. Первыми исчезли буйная черная шевелюра и борода. Затем с лица были сдернуты здоровенные щеки и толстый, картошкой, нос. Оттопыренные уши истончились и прижались к голове. Через несколько секунд гудящий ураган стих, и вместо волосатого чернявого мужика на дороге появился молодой русоволосый, безбородый парень. Он растерянно крутил головой, явно не понимая, где он находится и чем занят. О нападавшем верзиле напоминали только рваная одежка, прикрывавшая появившегося паренка, и валявшийся рядом с ним меч.

– Ну, как твои глаза?.. – участливо поинтересовался Лисий Хвост.

– Что глаза?.. – ошалело переспросил парень.

– Ты хорошо видишь?.. – уточнил вопрос магистр.

Парень озадаченно помолчал и ответил:

– Вполне... А что, что-то было с моими глазами?..

– Так ведь не было у тебя одного глаза... – подал голос возница. Парень перевел взгляд на него и растерянно усмехнулся:

– Как это – не было одного?..

Однако Лисий Хвост не дал развивать эту тему.

– Садись-ка в тележку, по пути во всем разберемся.

Парень по-прежнему растерянно двинулся к повозке, оставив свой меч валяться в пыли, и уселся позади, а магистр вернулся к своему посоху. Бросив быстрый взгляд вокруг, он снова погладил резного зверька и пробормотал:

– Умница... – Затем он выдернул посох из земли и занял свое место в повозке.

– Трогай, мой хороший, – положил он руку на плечо возницы.

– Мы что, оставим их здесь?.. – растерянно спросил тот, кивая на валявшихся в пыли тракта разбойников.

– А что с ними случится? – ответил Лисий Хвост. – Они скоро придут в себя. Морок он и есть морок, – добавил он непонятные слова.

Однако мальчишка не стал выяснять, что такое морок, а, шлепнув вожжами по спине лошаденки, продолжил прерванный путь.

Магистр обернулся к новому попутчику и дружелюбно спросил:

– А как тебя, молодец, звать-величать?..

Тот вздрогнул, выйдя из глубокой задумчивости, посмотрел на старика и, запнувшись, ответил:

– ...Не помню...

– А что помнишь?..

Парень молчал, и на лбу его обозначилась вертикальная складочка.

– Помню, как из дома уходил... – заговорил он через несколько мгновений. – Как мама уговаривала не ходить никуда... А куда шел и зачем, и что потом делал, и где был, ничего не помню... – закончил он с отчаянием в голосе.

– Ничего, – успокаивающе проговорил Лисий Хвост. – Такое частенько бывает... Интересно узнать, кто же это на тебя такую личину наложил?.. Экое, право, душегубство учинили... – Глаза под капюшоном заинтересованно блеснули. Парень огорченно вздохнул и пожал плечами.

– И куда ж ты теперь? – задал магистр очередной вопрос.

– Не знаю... – Во взгляде бывшего разбойника проступила тоска. – Ничего не знаю... – добавил он.

– Ну что ж, пойдём-ка тогда со мной. Может, в монастыре тебе помогут вспомнить, кто ты есть?

– Так ты в монастырь направляешься? – сразу оживился парень. – А в какой?

– Пока в ближайший, а там видно будет. – Лисий Хвост бросил задумчивый взгляд в сторону далеких гор.

– Нет, – разочарованно протянул неожиданный попутчик. – Если в монастырь идти, так в Поднебесный.

– Почему? – заинтересовался магистр.

– Так ведь только в Поднебесном можно постичь Суть в целом. Остальные монастыри разрабатывают лишь составные части Учения. – Парень говорил уверенно, как о хорошо знакомых вещах.

– Что значит, разрабатывают лишь составные части Учения? Разве Учение еще не до конца разработано? – удивился магистр.

Его новый попутчик, в свою очередь, бросил на магистра удивленный взгляд. Но тот спрятал лицо в тени надвинутого капюшона, и лишь поблескивающие глаза выдавали его заинтересованность и внимание.

– Странные вопросы ты задаешь, святой отец. – Парень пожал плечами. – Всем известно, что если какое-то учение перестают разрабатывать, изучать, уточнять, изменять согласно изменяющемуся миру, то оно перестает развиваться и быстро умирает. Поэтому каждый монастырь Тань-Шао работает над одним из аспектов Учения, обеспечивая рост, гибкость, жизнь Учения в целом. Только в Поднебесном все части Учения сходятся в одно целое, и только там это целое можно постичь.

– Как же можно постичь Учение в целом, если оно постоянно изменяется? – В удивлении магистра сквозила насмешка.

– На этот вопрос я ответить не могу, святой отец. – Парень тряхнул светлой головой и добавил. – По крайней мере не здесь.

В этот момент мальчик-возница натянул поводья, и тележка остановилась.

– Если вы направляетесь в горные монастыри, то вам надо будет дальше идти по Скользкому тракту. В Торгте вы наверняка найдете караван, который направляется в сторону монастырей. А я здесь сворачиваю, наш хутор в той стороне. – Мальчишка махнул рукой в сторону узкой разбитой дорожки, пересекавшей засеянное поле и исчезавшей в небольшой рощице.

Лисий Хвост и увязавшийся за ним неожиданный попутчик соскочили с тележки в серую пыль дороги. Мальчик кивнул им на прощание и, тронув лошадку, съехал с тракта на проселок.

– Ну что ж, пошли. – Магистр лукаво посмотрел на юношу. – Посмотрим, какой из тебя ходок...

– А разве святой отец не использует свои знания, чтобы быстрее добраться до Тань-Шао? – в свою очередь улыбнулся тот.

– Нет, я предпочитаю без особой надобности не спешить. Слишком много интересного вокруг. Вот – тебя повстречал... – Лисий Хвост посерьезнел. – А там, глядишь, еще кого-нибудь встретим...

– Я тоже встречи люблю... – согласился парень.

Они двинулись по тракту. Магистр сразу перешел на свой размашистый шаг, привычно выбрасывая острие своего посоха далеко вперед. Юноша пристроился справа и несколько сзади, подчеркивая главенство своего спутника, но шагал бодро, не отставая от магистра. Разговор прервался. Магистр с интересом разглядывал окрестности, его спутник задумался и шагал, не отрывая глаз от дороги.

Через некоторое время движение по тракту стало оживленнее. В него влилось несколько проселочных дорог, навстречу стали попадаться телеги, в которых сельские жители возвращались из города. Ближе к вечеру магистра и его спутника обогнали несколько верховых, подняв над трактом бурый пыльный смерч.

Наконец, когда небо над путниками потемнело, готовясь развесить узор сиреневых звезд, впереди показался Торгт. Городок был окружен невысокой каменной стеной, а недалеко от закрытых на ночь ворот шумел огромный постоялый двор. Лисий Хвост прошел в открытые ворота, быстро пересек двор и толкнул расхлябанную дверь. Переступив порог, он внимательно оглядел небольшой зал, служивший приемной.

На первый взгляд обстановка была самой обычной. Зал был отделан темным деревом, потолок, разделенный балками на ровные квадраты, выкрашен светлой краской. Посреди зала стоял невысокий столик, вокруг которого расположились низкие диванчики. Дальний угол был отделен от зала деревянной стойкой, за которой в старом, потертом кресле вольготно расселся маленький седой старик, похожий на развеселого гоблина. Однако в этой незамысловатой картине Лисий Хвост сразу почувствовал некую шероховатость или, вернее сказать, нарочитость. Все окружающее словно застыло, как стоп-кадр на экране, подернутое легкой пегой дымкой. Но едва он вошел и окинул взглядом зал, как эта дымка метнулась к углам зала и затаилась там, а прояснившаяся картинка вздрогнула и ожила. Все это длилось лишь мгновение, но магистр сразу насторожился. Быстро проведенное исследование не позволило ему выявить трещинку, которая всегда образуется на ткани бытия, если на нее навести наваждение, морок. Он снова внимательно оглядел зал, одновременно еще раз, более тщательно, ощупывая структуру его истинного состояния.

И тут старик, увидев вошедшего магистра и маячившего за ним паренька, выскочил из своего кресла и оглушающе заорал неожиданно низким грубым голосом:

– А вот и пешие путники, которым на ночь требуется хорошая постель, а перед этим отличный ужин!..

Лисий Хвост вынужден был отвлечься от своих исследований. С улыбкой направившись к стойке, он добродушно ответил:

– Совершенно верно, нам просто необходимы ужин и комната с двумя кроватями.

– Прекрасно!.. – немедленно заорал старик. – Вы себе представить не можете, насколько мне надоели постояльцы, ночующие во дворе в своих раздолбанных повозках и закусывающие собственными харчами!..

Он вынырнул из-за стойки и, быстро перебирая коротенькими ножками, покатил в сторону потенциальных постояльцев.

– Двухспальный апартамент с общей гостиной и отдельной лоханной вас устроит?! – не снижая своего рева, спросил старик, оказавшись рядом с магистром. Он упер руки в бока и, задрав голову, требовательно разглядывал собеседника, одновременно определяя наметанным глазом его платежеспособность.

– У вас что, и горячая вода имеется? – неожиданно подал голос спутник магистра, до этого державшийся в тени. Гоблин всем телом резко повернулся в его сторону и несколько секунд рассматривал юношу. Затем он раздвинул свои ярко-красные губы в усмешке и завопил:

– Тебя, молокосос, извиняет только твоя незрелость! Хотя и в твоём возрасте пора знать, что постоялый двор старого Вашура предоставляет своим постояльцам любые, даже самые экзотерические услуги! А горячая вода – это, на мой взгляд, даже и не услуга, а простая необходимость!

– И что же входит в список твоих экзотических услуг? – вступил в разговор Лисий Хвост. Старик тут же развернулся в сторону магистра и проорал:

– Я сказал – экзотерические, а не экзотипические! Нет! Я могу, конечно, и такие услуги оказать, если только это не какое-нибудь сексуальное извращение и если ты объяснишь, что это такое!

Лисий Хвост, похоже, слегка обалдел от рева старика и его непонятной терминологии. Он машинально поправил свой капюшон и неожиданно сменил тему разговора.

– А что это ты, почтенный Вашур, так орешь? Мы тебя прекрасно слышим.

И гоблин и молодой спутник магистра недоуменно уставились на него. В комнате на секунду повисла вопросительная тишина, а затем старик хмыкнул и совершенно нормальным голосом произнес:

– Ничего я и не ору. Тебе показалось. – А юноша легко пожал плечами, словно предлагая не обращать внимания на странный вопрос своего старшего товарища.

Лисий Хвост почувствовал некоторую неловкость и еще сильнее ощутил ту нарочитость обстановки, на которую обратил внимание при входе в зал.

– Так что же это за экзотерические услуги? – снова спросил он, пытаясь скрыть свое замешательство.

– Известно что, – ответил старик, подмигнув магистру.

– Ну а конкретно, – настаивал Лисий Хвост.

– А конкретно – весь спектр, начиная от снов на заказ и заканчивая освобождением души от любых моральных травм!

Старик сделал эффектную паузу, предлагая оценить объем предлагаемых услуг, а затем, резко дернувшись в сторону магистра и заглянув под надвинутый капюшон, зловеще пророкотал:

– У тебя ведь есть моральная травма?!

Лисий Хвост отшатнулся и быстро проговорил:

– Нет, почтеннейший, с моей совестью все в порядке.

Но старый гоблин уже повернулся к ним спиной и направился к своей стойке, взмахом маленькой ручки приглашая гостей следовать за собой. Устроившись в своем кресле, он вдруг проворчал, словно про себя:

– О совести никто и не говорил, речь шла о душе... – а затем, подняв свои глазки на собеседников, уже громче заявил: – Так, значит, двухспальный апартамент с общей гостиной и отдельной лоханной?..

Поймав согласный кивок магистра, он провел ногтем большого пальца правой руки по столешнице. На ней появилась кривая грубая черта, тут же замерцавшая холодным зеленоватым светом.

– Забронировано! – довольно пророкотал старик и, вновь посмотрев на постояльцев, спросил: – Одна ночь, ужин и завтрак?

Магистр вновь кивнул, и старик стукнул по черте указательным пальцем. Черта ответила неяркой вспышкой и под ней проступили непонятные значки. Хозяин гостиницы несколько секунд внимательно изучал проступившую надпись, а затем снова вскинул глаза:

– Два желтяка! – после чего выжидательно уставился на магистра.

– Теперь я понимаю, почему народ предпочитает ночевать во дворе, в собственных повозках! – изумленно воскликнул Лисий Хвост.

– Вы что, сомневаетесь в моих счетах? – тут же возмутился хозяин, выскакивая из своего кресла и выпрямляясь во весь свой небольшой рост. При этом он еще больше стал напоминать гоблина, поскольку его физиономию перекосило недовольство.

– Да нет, – пожал плечами магистр. – Просто очень уж дорого.

– Да, – старик от возмущения привстал на цыпочки, – экзотерические услуги доступны только состоятельным господам!..

– Но я не заказывал никаких экзотерических услуг! – в свою очередь возмутился магистр.

– Как это не заказывал! – Старик перешел на уже знакомый рев. – Сам выспрашивал, выпытывал, выбирал, все, можно сказать, перещупал, а теперь, когда пришла пора платить, на попятный! Ну и клиент пошел!.. – Старик задохнулся от возмущения и закатил глаза.

И в этот момент через стойку мимо магистра просунулась тонкая рука и выложила на стол перед хозяином два желтых, матово блеснувших кружочка.

– Получи свои желтяки, – насмешливо проговорил спутник магистра, – и постарайся не задерживать наш ужин!

Старик тут же открыл глаза и молниеносным движением руки смел монеты со стола. Следом за этим он хлопнул ладонью по черте, и она исчезла, напоследок сверкнув золотом. Через секунду одна из панелей за стойкой отошла в сторону, и из-за нее показалась девушка невысокого роста, в темном платье и еще более темном переднике горничной.

– Двухспальный апартамент с общей гостиной и отдельной лоханной, – не оборачиваясь приказал старик и добавил: – Полный ужин в номер и необходимая экзотерика!

Девушка молча подняла руку и пальцем поманила постояльцев за собой. Магистр и его спутник двинулись за стойку, обходя снова развалившегося в кресле старика. На самом пороге юноша остановился и, повернувшись, бросил:

– Смотри, чтобы твои услуги стоили заплаченных денег, а то мне придется сделать перерасчет!..

Старик, не поворачивая головы, поднял руку и каркнул:

– Фирма гарантирует!..

За панелью оказался короткий коридор. По нему девушка провела гостей к лестнице, и они поднялись на второй этаж. Коридором, похожим на нижний, они прошли в дальний конец дома, и там горничная отперла большим ключом еще одну дверь. Сделав рукой приглашающий жест, она пропустила магистра и его спутника вперед и, тихо проговорив:

– Звонок вызова прислуги в прихожей, – прикрыла за ними дверь.

Магистр не торопясь обошел свое временное жилье, с интересом разглядывая обычный, в общем-то говоря, гостиничный интерьер. Необычной была только ванная, названная хозяином «лоханная». В небольшой, облицованной мраморной плиткой комнате действительно была установлена большая деревянная лохань. С одной стороны этой замечательной емкости располагалось восемь сиявших начищенной латувью кранов. Лисий Хвост не удержался

жался, чтобы не попробовать все восемь, и был очень удивлен, когда, кроме холодной, теплой и очень горячей воды, из кранов потекло белое и красное вино, два вида масла и какая-то странная субстанция, напоминающая зубную пасту с запахом свежего навоза. Изучение местной сантехники магистр успешно совместил с умыванием.

Когда он вернулся в «общую гостиную», его спутник сидел в кресле, уставившись в потолок невидящим взглядом.

– Ну как, вспоминается что-нибудь? – Магистр присел рядом с пареньком. Тот повернул голову на голос, и в его глазах мелькнуло недоумение. Однако через мгновение он моргнул, словно приходя в себя, и слабо улыбнулся.

– Даже не знаю, что сказать. В голове постоянно проносятся обрывки всяких мыслей, каких-то неясных образов или видений. И не понять, какое все это имеет отношение ко мне. Но я точно знаю, что совсем недавно меня называли Светлый Ван. Только неизвестно – это мое последнее имя или потом я имел и другие. Или вот еще – я почему-то уверен, что нам надо быть в Заоблачном монастыре не позже чем через четыре дня. – Паренек увидел вопрошительный взгляд магистра и уточнил: – Вроде бы именно в это время будет проходить ежегодный праздник Познания Сути. Ты ведь именно на него хотел попасть?

Лисий Хвост несколько растерялся, вопрос застал его врасплох.

– Я, конечно, надеялся успеть... – ушел он от прямого ответа, – но не знал точной даты проведения праздника. И потом, я не очень хорошо осведомлен о смысле этого праздника.

– Во время этого праздника, – паренек снова поднял глаза к потолку и рассказывал с отсутствующим видом, словно передавал чужие слова, – любому человеку дозволяется задать любому монаху и даже самому настоятелю монастыря один вопрос. Любой! И получить на него ответ.

– Интересный праздник, – задумчиво протянул магистр. – Только вот успеем ли мы?..

Однако ответа он не получил. Светлый Ван опять впал в свой транс, грезя с открытыми глазами.

В этот момент в номер тихо постучали. Магистр поднялся из кресла и открыл дверь. В комнату вкатился обычный сервировочный столик, подталкиваемый уже знакомой горничной. Она подвела свое транспортное средство к большому столу, сняла накрывавшую столик салфетку и принялась сервировать ужин. Через пару минут обеденный стол общей гостиной украсился блюдом с жареной индейкой, двумя большими тарелками свежих овощей, порезанной краюхой хлеба, двумя графинами вина. Все это изобилие было водружено на белоснежной скатерти. Два столовых прибора из тонкого фарфора расположились друг напротив друга, а по обеим их сторонам, отливая матовым серебром, улеглись вилки и ножи.

Закончив сервировать стол, горничная покатила свой столик к выходу и уже в дверях тихо произнесла:

– Кофе, сыр и фрукты будут поданы через час.

Магистр прикрыл за ней дверь и направился к столу. По пути он наклонился к своему спутнику и осторожно подул ему в лицо, предварительно что-то тихо прошептав. Юноша вздрогнул и пришел в себя. Магистр как ни в чем не бывало расположился на одном из стульев и сделал приглашающий жест в сторону второго места.

– Я только руки помою, – смущенно бросил Ван и направился в «лоханную».

Когда он вернулся, магистр уже разлил вино в бокалы и ожидал сотрапезника, разглаживая заткнутую за ворот салфетку. Юноша сел на свое место и, быстро развернув салфетку, положил ее себе на колени. Магистр поднял свой бокал и произнес излишне бодрым голосом:

– Предлагаю поднять бокалы за наше столь необычное знакомство и твою пробуждающуюся память.

Ван молча поднял свой бокал и, странно пристально взглянув на магистра, тронул его край губами. Лисий Хвост, со вкусом вытянув бокал вина, щедрой рукой положил на свою тарелку птицы и овощей и принялся с аппетитом есть. Его сотрапезник, с явной неохотой проглотив немного хлеба с овощами, потихоньку потягивал из бокала золотистое вино. Ему явно нравилось наблюдать за своим спутником.

И тут Лисий Хвост с новой силой ощутил прежнее беспокойство. Более того, окружающая его обстановка будто дернулась и слегка размылась. Он, не донеся до рта вилки с очередным кусочком птицы, тряхнул головой, и в этот момент раздался стук в дверь. Все тут же встало на свои места. Рука с вилок сама собой приблизилась к губам магистра и положила ему в рот восхитительный кусочек, а зубы тут же принялись пережевывать то, что попало в рот. Но сознание магистра несколько мгновений словно со стороны удивленно рассматривало свое тело и оценивало его действия, пока наконец вновь не слилось с ним.

Ван направился к двери и впустил ту же горничную с ее столиком. Только теперь на столике стоял объемистый кофейник, из-под крышки которого струился восхитительный аромат. Кофейник окружали небольшие вазочки, наполненные знакомыми и незнакомыми фруктами, различной формы пирожками и печеньями. На небольших тарелочках было разложено несколько сортов сыра.

– Неужели прошел целый час? – удивился Лисий Хвост. – Мне показалось, что мы только сели за стол.

И тут он неожиданно понял, что совершенно сыт. Более того, на столе уже почти ничего не осталось. Горничная, не отвечая на вопросы магистра, сноровисто меняла сервировку стола. Когда грязная посуда была уложена на ее столик, а кофейник вместе с сопровождавшими его деликатесами водружен на обеденный стол, она взглянула прямо в глаза магистру и тихо, можно сказать, задумчиво произнесла:

– Посуду оставьте на столе. Завтра вам рано вставать, я уберусь после вашего ухода. Завтракать будете в общей столовой. – Потом она немного помолчала и еще тише добавила не совсем понятные слова: – Там теплее.

Но Лисий Хвост, занятый ароматом, потянувшимся из-под крышки кофейника, не обратил внимания на ее странную фразу. Кофе оказался отличным, а предложенная выпечка, что называется, буквально таяла во рту. Лишь на мгновение магистру показалось, что одна из сладких булочек взорвалась у него во рту резким запахом чеснока, который тут же исчез, заставив его усомниться в своем чувстве вкуса. «Показалось», – подумал Лисий Хвост, впиваясь зубами в очередной шедевр выпечки. Попробовал магистр и фруктов, но только чуть-чуть – он действительно был совершенно сыт. А после ужина магистра потянуло в сон, что, в общем-то, было вполне нормально после перехода из мира в мир и дневного похода по Скользкому тракту.

Ван проводил магистра в его спальню и, пожелав спокойной ночи, отправился к себе. Лисий Хвост прикрыл дверь, и подойдя к окну, принялся сквозь деревянные жалюзи рассматривать слабо освещенный двор. Огромное, кое-как огороженное пространство было заполнено распряженными повозками, вокруг которых сновали люди. Дальний конец двора, судя по доносившимся оттуда звукам, был отведен под загон для животных. В нескольких местах горели костры, над ними исходили паром котлы, котелки и кастрюльки, упаривая для своих хозяев нехитрое хлебо. Магистр рассматривал этот людской муравейник и размышлял о том, что кто-то из этих людей завтра станет его попутчиками.

Лисий Хвост задумчиво отошел от окна и медленно стянул свой серый балахон. Он пытался сосредоточиться на своих странных, непонятных ощущениях или видениях, но чувствовал, что глаза его смыкаются. Магистр улегся в постель и последним сознательным движением натянул на себя одеяло.

А дальше был сон.

Ему снилась беспросветная тьма. Вокруг было влажно, мягко и тепло, как в утробе матери. Он словно только собирался народиться на свет, но уже знал, что он магистр, что в совершенстве владеет Искусством, особенно наваждениями, видениями, мороками. Скорее по привычке, чем сознательно, он ощупал окружающую темноту на истинность бытия и удостоверился, что это действительно сон. Тут он несколько испугался, а вдруг ему придется родиться во сне. В какой мир он тогда попадет? Но испуг сразу прошел – он услышал тихий шепот, который успокоил его одной фразой: «В истинный». У него еще были вопросы, но он не успел их задать. Где-то у края сознания раздался хриловатый, словно прокуренный, голос:

– Посмотри, похлебка не поспела?

Магистр растерялся, какая похлебка, кто должен посмотреть? Но тут же раздался другой голос, высокий женский:

– Потерпи, потерпи, успеешь пузо набить!

– Тут успеешь, – добродушно возразил первый. – Того и гляди настоятель проснется, и снова трогайся.

Магистр невольно прислушался к разговору – раз уж попался такой сон, без картинки, так хотя бы беседу послушать.

– Нет, Обретшая Суть предупредила, что трогаться не будем еще несколько часов. Она сама устала поддерживать морок, поэтому вызвала еще двух братьев. Вот когда они подойдут, мы и тронемся.

– Видать, серьезный попался кудесник, ишь как с ним монастырская братия нянчится. Вези – не тряси, перекладывай – не урони, корми двумя руками. Топал бы он своими ножками до Поднебесного, и ничего бы с ним не случилось.

– Эх, правильно Обретшая Суть говорит – ничего ты, кроме лошадей, не знаешь и не понимаешь. Потерянный ты для Истины человек!

– Ничего не потерянный, раз я для Истины всю жизнь работаю!

– Твои лошади тоже всю жизнь для Истины работают и тоже не понимают, почему они должны везти на себе такого здоровенного мужчину. Думают небось про себя: «Пусть бы ножками топал...»

– А ты, выходит, для Истины человек не потерянный и все прекрасно понимаешь. Тогда, может, объяснишь, зачем мы этого здоровяка на себе тащим?

– Значит, Обретшая Суть не желает, чтобы он видел дорогу к монастырю. А может, и другие какие причины есть. Ладно, хватит обсуждать то, в чем мы не слишком разбираемся. Получай свою похлебку и займись своим любимым делом.

Голоса замолкли. Магистра вновь стала обволакивать теплая, влажная темнота. Но теперь он не поддавался ее убаюкивающей тишине и уже сознательно прислушивался – не возобновится ли этот странный звуковой сон. Наконец, как и в первый раз, на границе ощущений раздался голос.

– Хороша у тебя похлебка, всю бы жизнь ел и не надоела бы!

– Не подлизывайся, обжора, добавки все равно нет. Вот-вот братья подъедут, их тоже кормить надо.

– И почему у тебя такие маленькие котелки! Взяла бы священный казан – вот я наелся бы!

– Ты лучше руки помой да рот сполосни. Обретшая Суть проснется, гостя кормить надо будет, а у тебя изо рта опять чесноком воняет. Придется настоятелю снова выкручиваться, когда гость спросит: почему фруктовый мусс чесноком отдает?

– Ничего страшного – чеснок полезен для здоровья!

– Ага, особенно в выпечке и сладких блюдах! Надо будет как-нибудь тебе сладкую булочку с чесноком поднести. К чаю.

– Эй, подруга, – перебил хриплый голос. – По-моему, это братья едут.

После небольшой паузы снова раздался женский голосок, прозвучавший несколько встревоженно:

– Беги, буди настоятеля, он приказал его сразу разбудить, как только братья придут!
А я за водой.

– Стойте!.. – невольно вырвалось у магистра. – Кто вы такие?..

Но тут он понял, что лежит в постели с открытыми глазами, а в комнате светло тем нереальным жемчужным светом, которым наполняется утро до восхода солнца. Над ним наклонилось встревоженное лицо Вана, который тряс его за плечо и громко шептал:

– Учитель, очнись!.. Все в порядке.

Лисий Хвост вдруг вспомнил темноту, которая накрыла его во сне, и ему стало жутко до мурашек под кожей. Он резко сел, едва не ударив Вана головой в лицо, и невпопад спросил:

– Что такое?.. Что случилось?..

Ван облегченно выпрямился и, чуть помедлив, ответил:

– Да ничего не случилось. Кричал ты во сне, я и прибежал. Вообще-то пора подниматься, а то скоро последние попутчики со двора уберутся. А мы еще и не завтракали.

– Да. – Магистр потер лоб, приходя в себя. – Пора вставать.

Он поднял голову и, взглянув на Вана прояснившимися глазами, улыбнулся.

– Снится всякая ерунда. Это все после встречи с разбойничками. – Лисий Хвост отбросил одеяло и выскочил из кровати.

– Я буду готов через две минуты.

Ван молча кивнул и вышел из спальни магистра.

Через несколько минут они были в общей столовой – большой, пустой, темноватой комнате, сплошь уставленной тяжелыми столами и стульями. Едва они сели за стол, как к ним подошла молоденькая девушка и, сделав неуклюжий книксен, спросила:

– Вам полный завтрак подавать или уполовиненный?

– Это почему же вы, дорогуша, хотите наш завтрак уполовинить? – игриво удивился Лисий Хвост.

Девушка стремительно покраснела, но ответила смело:

– Ничего я уполовинить не хотела, а только попросила вас сделать выбор: полный завтрак или половинный... Может, вы фигуру сохраняете...

Магистр и Ван фыркнули, и магистр проговорил, еле сдерживая смех:

– Полный завтрак давайте. Нам путь дальний предстоит, надо как следует поесть.

– Сладкие блюда оба подавать?.. – В голосе девчушки явственно проблескивал смех, она приняла игру магистра. – У нас сегодня творожный пудинг и фруктовый мусс.

– Что?! – Лисий Хвост буквально задохнулся этим воплем. Глаза у него остекленели, и он прошептал побелевшими губами: – Фруктовый мусс чесноком отдает...

Ван тут же вскочил со своего стула и мгновенно оказался около магистра.

– Да что такое с тобой, святой отец? С самого утра тебя что-то мучает.

– Я же говорил, что у него есть моральная травма! – раздался голос неизвестно откуда появившегося хозяина гостиницы. Он стоял рядом со столом и с довольным видом разглядывал побледневшего магистра.

Но тот уже пришел в себя и, вытирая вспотевший лоб салфеткой, пробормотал:

– Ничего страшного, просто сон вспомнил...

– А тебе снятся сны? – тут же заинтересовался Ван. – Расскажи, что это такое? Я от многих слышал про сны, а вот сам ни разу не видел. Что тебе сегодня приснилось, что так тебя напугало?

– Да ничего особенного. – Магистр махнул рукой. – Хотя, как правило, сны снятся картинкой, а сегодня ночью снилась сплошная чернота... И разговор странный... Так что сегодняшний сон я не видел, а слышал.

Лисий Хвост задумчиво поводит пальцем по скатерти, а затем, подняв глаза на своего спутника, тихо добавил: – Понимаешь, мне приснилось, что меня сегодня за завтраком будут кормить фруктовым муссом...

– Как это – кормить? – переспросил Ван.

– А вот так!.. При этом у одного из «кормильцев» якобы пахнет чесноком изо рта, и поэтому фруктовый мусс будет иметь его привкус...

Ван, обдумывая слова магистра, почесал щеку, а затем протянул:

– Да-а-а, я такие сны слышать не хочу.

В это время обслуживавшая их девчушка под пристальным взглядом хозяина гостиницы ловко и быстро накрыла на стол. Заканчивая сервировку, она поставила в середину стола две большие креманки, наполненные густой розовой массой, и, не удержавшись, тихо пробормотала:

– Вот вам ваш мусс с чесноком...

Лисий Хвост от ее слов вздрогнул и метнул загравленный взгляд в сторону пугавшего его лакомства. Но Ван вдруг со смехом заявил:

– Тебе, святой отец, действительно нужно срочно в монастырь. Братья разберутся и с твоими снами, и с твоими моральными травмами.

– Если вы будете болтать вместо того, чтобы завтракать, ваши попутчики уедут без вас. – Маленький гоблин-хозяин имел весьма грозный вид. – Они и так уже жалуются, что не успевают на праздник, а вы их еще задерживаете.

После этого замечания Лисий Хвост и его спутник уже не отвлекались на разговоры. Они быстро покончили с завтраком. Правда, за мусс магистр принялся только после того, как увидел, с каким удовольствием поглощает его Ван.

Уже через несколько минут они были во дворе. Там их ожидал небольшой караван, состоявший из четырех повозок, крытых, на манер фургонов американских переселенцев, темным брезентом и запряженных небольшими, но, по-видимому, выносливыми лошадками. Магистр и Ван забрались в один из фургонов, которым управлял невысокий рыжеволосый крепыш. Он сидел на кожаном сиденье передка повозки, с важностью перебирая вожжи. Едва его пассажиры оказались внутри, он лихо и одновременно как-то ласково хлопнул вожжами по спине лошади, и та двинулась вперед, сразу перейдя на ровную, упрямую рысь. За первой повозкой тронулись остальные, и, покинув широченный двор гостиницы, они оказались на широкой дороге, огибающей маленький городок Торгт и уходившей между обработанных полей и разделявших их маленьких рощиц в сторону все еще далеких гор.

Магистр устроился на небольшой кучке сена позади возницы и, аккуратно уложив свой посох вдоль невысокого бортика, с интересом разглядывал окрестности. Ван, укрывшись в глубине повозки, впал в уже привычную сосредоточенность. Прикрыв глаза, он слегка шевелил пальцами рук и порой что-то нашептывал. Поскольку их фургон шел первым, им не мешали ни другие повозки, ни пыль, поднимаемая из-под колес. Так, занимаясь каждый своим делом, они проехали около часа. И тут Лисий Хвост обратился к вознице:

– Я смотрю, ты ловко управляешься с лошадьми. Часто тебе приходится возить гостей в монастыри?

Тот молча повернул свою лохматую голову в сторону магистра, бросил на него быстрый взгляд, а затем более внимательно посмотрел в глубь фургона, где неподвижно сидел Ван. Потом, снова развернувшись в сторону дороги, он звонко чмокнул, подбадривая лошадей, и только после этого ответил негромким хрипловатым голосом.

– Да, почитай, всю жизнь мотаюсь между Торггом и монастырями. И не только к праздникам. Желаящие попасть в монастырь имеются в любое время. – Он хмыкнул и покрутил головой. – Можно подумать, что монахи способны решить любую человеческую проблему...

– А ты считаешь, что такое невозможно? Я как раз слышал, что они владеют Истинным Знанием, а если так, то они действительно способны решить проблемы любого человека.

– А я считаю, что если человек не может решить свои проблемы, так либо эти проблемы не стоят решения, либо человек слишком ленив. В первом случае нечего себе голову забивать, а во втором – незачем такому человеку небо коптить!

– Э, друг, да ты философ! Лихо ты все и всех расставил по своим местам. Неужели у тебя никогда не было не решаемых проблем?

– Нет, не было! И желания задавать вопросы посвященным не было. Я давно понял, что даже самый святой монах – всего-навсего обычный человек, и, значит, не может до конца понять трудностей другого человека. А раз так, то и его решение, его совет, не могут быть верными.

Он опять усмехнулся и покрутил головой.

– Видел бы ты, святой отец, какие только люди не сидели в моем фургоне! И отчаянные, и отчаявшиеся, и святые, и полные нечестивцы. И все туда ехали с надеждой, а обратно... А обратно – по-разному, но все недовольные.

– Неужели никто из тех, кто обращается в монастырь, не получают помощи?

– Ну почему, я так не говорю. Если там болит что-нибудь или в семье неурядицы какие, тут монахи помогут. И вылечат, и подскажут, как жить дальше. Да только стоит ли из-за этого в такую даль тащиться. В любой большой деревне имеется хороший лекарь, а в своей семье всегда можно порядок навести, надо только сесть и спокойно подумать. Я говорю о настоящих вопросах. О тех, ради решения которых стоит брести в горы. Вот ты, святой отец, ради чего со своего далекого юга притащился в Тань-Шао? Тоже надеешься, что монахи все твои проблемы решат?

– Да нет. Я надеюсь постичь Истинное Знание.

Возница вновь кинул быстрый взгляд в сторону магистра и усмехнулся.

– Значит, вопрос задать хочешь?

– То есть?.. – не понял Лисий Хвост.

Рыжая голова снова повернулась, и на этот раз взгляд был вопросительным.

– Так чтобы стать послушником монастыря и получить доступ к Истинному Знанию, надо вопрос задать.

– Задать?! Хм... Интересный экзамен... Я как-то больше привык думать, что во время экзамена на вопросы надо отвечать, а тут – задать... Мне Ван говорил, будто на празднике Познания Сути настоятелю монастыря задают вопросы, но я не думал, что это тест на способность изучать Истинное Знание.

– Ты, святой отец, как с неведомой земли прибыл. Самых простых вещей не знаешь. – Возница снова покачал головой, перебирая вожжи.

– Я действительно многого не знаю. Просто жизнь, которую я вел до того, как отправился в Тань-Шао, была слишком оторвана от повседневности. Мой учитель требовал полной сосредоточенности на наших занятиях. Видимо, поэтому я плохо разбираюсь в существующем укладе жизни.

Дорога перевалила через невысокий холм и узкой пыльной лентой уходила в недалекий, ярко освещенный солнцем лес. Лошадка прошла под уклон не более десятка шагов, когда возница вдруг приподнялся со своего сиденья и принялся пристально вглядываться в какую-то точку впереди. Лисий Хвост проследил за направлением его взгляда, однако ничего интересного не заметил и вопросительно посмотрел на возницу, ожидая услышать, что так его заинтересовало. Но тот продолжал рассматривать неизвестный объект, а потом, ухва-

тившись за обруч повозки, поддерживавший тент, обернулся назад и протяжно свистнул. Магистр тоже обернулся назад и увидел, что три повозки, следовавшие за ними, также переваляли через вершину холма и теперь, прибавив скорость, быстро их догоняли.

– Что-то случилось?.. – спросил он рыжеволосого.

– Пока что нет, – ответил тот, усаживаясь на сиденье. – Но мне очень не нравится поведение моей лошади. Красава чего-то боится – вон как ногами перебирает, словно дальше идти не хочет.

Лисий Хвост посмотрел на лошадь, но ничего необычного не увидел. Однако он чувствовал, что возница встревожился всерьез и не без причины.

После сигнала рыжего возницы отставшие фургоны быстро нагнали передний, и растянувшийся было караван продолжил движение плотной, компактной группой. А еще через полчаса даже Лисий Хвост понял, что лошадь ведет себя странно. Она явно сбавила ход и, несмотря на понукания возницы, перешла с рыси на шаг. При этом она начала глухо всхрапывать и поглядывать круглым испуганным глазом на сидящих в повозке людей, словно спрашивая: куда ж это вы претесь?!

Рыжий остановил лошадь, не доезжая метров тридцати до опушки леса. Две другие повозки съехали с пыльной ленты дороги и остановились рядом с повозкой магистра. Четвертый фургон встал несколько сзади, словно прикрывая своих товарищей с тыла. И возницы, и некоторые из пассажиров каравана сошлись у переднего фургона, а один из них громко обратился к рыжему:

– И долго ты собираешься здесь прохлаждаться? Или в лес боишься въезжать? Так пропусти меня вперед, я тоже дорогу неплохо знаю.

Однако рыжий, спрыгнув с облучка, не отвечал на выпады своего товарища, а прошел немного вперед и стоял посреди дороги, будто к чему-то приносиваясь. Затем он вернулся к повозке и задумчиво пробормотал:

– Вроде бы все в порядке, а что-то не так. Зря моя Красава упираться не будет. И... – он задумчиво потер плохо выбритую щеку, – и следы от колес прямо перед нами свежие, глубокие, а на опушке почти не видны, как будто им уже несколько дней.

Лисий Хвост выбрался из фургона и, взяв в руку свой посох, молча прошел мимо столпившихся людей вперед по дороге. Не доходя трех-четырех десятков шагов до опушки леса, он остановился и внимательно оглядел окружающее. Следы на дороге, как и говорил рыжий возчик, выглядели действительно странно. А кроме того, магистр почти сразу разглядел грубый рубец, которым на действительность была «подшита» пелена наваждения. Он тщательно прощупал структуру морока, а потом закрыл глаза и, тщательно выговаривая непонятные слова, произнес короткое заклинание.

Воздух вместе с куском леса и дороги перед ним дернулся, словно занавеска, отброшенная хозяйской рукой, и перед охнувшими и попятившимися путниками предстала разлегшаяся поперек дороги, ни на что не похожая темная серь. Более всего эта штука напоминала большую темную тучу, непонятным образом оседлавшую дорогу. Она клубилась, словно продуваемая ветром, а внутри нее что-то посверкивало и негромко, но грозно погромыхивало.

Несколько минут длилось молчание, а затем тот же смелый говорун заявил, похлопывая по своему сапогу свернутым кнутом:

– Я говорил, что надо было раньше выезжать!.. С утра наверняка проскочили бы. А теперь – вот... – И он ткнул рукояткой кнута в сторону разлегшейся на дороге тучи. – Объезжать придется, значит, на праздник точно не попадем.

Он смачно плюнул в дорожную пыль и сверкнул глазом в сторону магистра.

– Ну что, святой отец, может, здесь твои знания помогут?..

Лисий Хвост, не обращая внимания на говорившего, медленно и осторожно двинулся в сторону тучи. Даже не оглядываясь, он чувствовал, что Светлый Ван идет следом, держась несколько сбоку и сзади.

Поначалу туча никак не реагировала на их приближение, только маленькие вихри внутри нее заметались несколько быстрее. Однако чем ближе подходили к ней люди, тем заполошнее мерцали внутри нее фиолетовые всполохи, тем нетерпеливее становилось ее громохание.

Лисий Хвост остановился в десятке шагов и снова принялся тщательно прощупывать окружающую реальность. Дорога, поля вокруг нее, лес, начинавшийся сразу за клубящейся тучей, безусловно, были истинными. А вот на дороге перед ним расположилось... ничто. Это было, пожалуй, самым точным определением для представшей перед магистром сути. Было такое впечатление, что темно-серые, угрюмо перекручивающиеся клубы, подсвеченные изнутри багровыми всполохами, скрывают... Да в том-то и дело, что ничего они не скрывали, поскольку внутри тучи ничего не было. То есть – совсем ничего, одна безличная, немая и слепая пустота! Более того, всего этого – клубящейся и посверкивающей тучи, скрывающейся в ней темной бездны – ничто вообще здесь не могло быть! Не было условий для существования всего этого. Но оно существовало, к тому же оно было готово проглотить все окружающее, вобрать в себя и поля, и лес, и дорогу, и стоящие на дороге повозки, но сильнее всего оно тянулось к людям, оно жаждало человеческой плоти, оно радостно готовилось поглотить живой Разум!

Магистр, слегка наклонив вперед свой посох, опять пробормотал несколько невнятных звуков и слегка потряс левым рукавом своей хламиды. Неожиданно из рукава легкой струйкой потекла какая-то бурая пыль, образуя небольшое легкое облачко. Это облачко повисло, не касаясь земли, а затем медленно потянулось в сторону рокотавшей тучи. Магистр снова произнес несколько негромких, малопонятных звуков и еще больше наклонил посох, так что сидевшая на его верхушке деревянная фигурка уставилась своими багрово святающимися глазами на клубящуюся тучу. Та, словно подчиняясь неживому взгляду деревянной крысы, дернулась прочь от магистра и тут же, глухо заревев, угрожающе двинулась в его сторону, но наткнулась на выпущенное магистром маленькое, легкое бурое облачко. И это облачко немедленно стало расплзаться по поверхности тучи, покрывая ее и истончаясь до легкого, почти невидимого, бурого мазка на темном клубящемся теле.

Магистр, не поднимая посоха, начал медленно приближаться к ворочавшейся туче. При этом глаза деревянной крысы все больше наливались тревожным, багровым огнем. Когда до странной и страшной преграды оставалось всего несколько метров, деревянный зверек зашевелился, подтянулся ближе к верхушке посоха, выгнул спину и, развернув свой необычный хвост, принялся помахивать им перед собой, словно дирижируя невидимым оркестром. И в такт этой неслышной мелодии туча начала сжиматься. Сначала это происходило медленно, неравномерными, судорожными рывками. Но постепенно процесс вошел в своеобразный завораживающий ритм. Создавалось впечатление, будто что-то тяжелое, но рыхлое и мягкое зачихнуло в прозрачный мешок, и теперь этот мешок стягивают широкими ремнями, уплотняя, утрамбовывая его содержимое.

Попутчики магистра, сгрудившись возле повозок, молча, с изумлением наблюдали за происходящим. И только Светлому Вану, не отстававшему от магистра, было видно, с каким трудом удерживает тот свой посох. Руки Лисьего Хвоста сотрясала крупная дрожь, переступавшие мелкими шажками ноги подгибались в коленях, спина все более сгибалась от непосильного напряжения. Но магистр, не останавливаясь, продвигался все ближе и ближе к сжимающейся туче, а деревянная фигурка на его посохе продолжала свою непонятную работу.

Через несколько долгих секунд лохматая, грозно погромохивающая и посверкивающая туча превратилась в тугой, плотный шар размером с тележное колесо. И тут крыса изме-

нила ритм и амплитуду своих движений. Размах хвоста стал короче и четче, а остаток тучи приподнялся над землей и принялся перекатываться, словно его мяли, сбивали, похлопывали огромные невидимые ладони. Темный шар продолжал уплотняться, уменьшаясь в размерах и покрываясь все более плотным буроватым налетом.

Не прошло и полутора минут, как посреди освободившейся дороги остался лежать небольшой бурый камешек – то, во что превратилась грозная, непреодолимая преграда. Магистр выпрямил свой посох, и крыса буквально съехала по нему на свое постоянное место. Ее длиннющий хвост бессильно обвис, а затем, словно нехотя, обвил посох.

Лисий Хвост подошел к камешку и наклонился, внимательно его разглядывая, а потом протянул руку, чтобы подобрать его, и вдруг бессильно осел прямо в дорожную пыль. В ту же секунду рядом с ним оказался Светлый Ван. Он подхватил магистра и осторожно опустил его на дорогу. Через мгновение к ним подъехала повозка, и Ван вместе с рыжим возчиком уложили магистра внутрь. Затем Ван забрался в фургон, уселся рядом с магистром, аккуратно уложив его посох вдоль борта, и откинул скрывавший голову магистра капюшон. Лисий Хвост лежал, закрыв глаза. Его лицо, прочерченное резкими глубокими морщинами, выглядело изможденным и было мокро от пота. Покрасневшие веки вздрагивали, словно ему в глаза бил яркий свет, а сухие потрескавшиеся губы шептали что-то непонятное. Его редкие седые волосы намокли и сбились, открывая лысину на затылке.

Ван положил голову магистра себе на колени и, достав из кармана огромный клетчатый носовой платок, принялся осторожно отирать пот с его лица. Их попутчики окружили повозку и с благоговением смотрели на лежащего старика, который только что на их глазах сотворил невероятное волшебство. И никто из них не заметил, как рыжий возчик сунул в карман магистерской хламиды небольшой, но очень тяжелый камешек, покрытый плотным бурым налетом.

А затем хозяин повозки взобрался на свое место и, обернувшись к окружающим ее людям, проворчал:

– Ну что, так и будем стоять?.. Дорога-то свободна, или мы на праздник уже не спешим?..

Их попутчики, будто очнувшись, засуетились, рассаживаясь по фургонам, и через минуту караван уже втягивался под кроны высоких деревьев, стоявших на опушке светлого, праздничного леса.

Дорога несколько сузилась, зажата высокаями светло-серыми стволами елей и густым подлеском. Ее бурое, извилистое полотно перерезали узловатые бугры корней. Поэтому возницы придерживали лошадей, уменьшая, насколько можно, тряску. И все-таки фургоны грохотали, скрипя и раскачиваясь, а большинство пассажиров спустились на землю, предпочитая идти пешком.

Рыжий возница, по-прежнему правивший передним фургоном, постоянно оглядывался на своих пассажиров и, видимо, очень переживал, что не может обеспечить более плавной езды. Внутри фургона Светлый Ван старался устроить лежащего магистра поудобнее.

А магистр спал. Спал, несмотря на оглушительный грохот и скрип, непрерывную тряску и раскачивание фургона. Он снова был в абсолютной темноте, его снова убаюкивала теплая ласковая сырость, он снова еще не родился. Но теперь он знал, что в этой темноте, этом тепле и сырости можно услышать кое-что интересное, и поэтому он спал, прислушиваясь к окружающему его сну.

И он услышал. Он услышал странный монотонный голос, который бубнил не переставая, без пауз и интонаций. Этот голос не был похож ни на один из слышанных магистром голосов, и только через некоторое время он понял, что так мог бы говорить обладатель хрипловатого «прокуренного» баритона из его первого сна. А может, это был вовсе не голос, а просто размышления?

«Интересно, что это за дрянь разлеглась посереде дороги? Сроду ничего подобного не видел. Да, по-моему, и Обретшая Суть тоже. Я же видел, как она растерялась. Если бы не наш гость, ни за что не проехать. Хорошо, что Обретшая Суть сменила полную пелену на частичную, а то кто бы этой дрянью занялся? И правильно я этот камешек ему в карман засунул – он же сам хотел его подобрать, только сил не хватило. А если эта дрянь, что он в камешек запрятал, снова развернется, ему опять придется ею заняться... Да кто еще с этой дрянью справиться сможет?.. И что это за дрянь?.. Зачем она посреди дороги разлеглась?.. Никогда такого не было... Может, она из-за этого „магистра“ здесь появилась?.. Имя-то какое странное – „магистр“, словно он из неведомой земли явился. И про наши обычаи ничего не знает... Сам вопрос едет задавать, и не знает, что вопрос задавать надо... А как Обретшая Суть с ним нянчится... Скорей бы этот лес кончался, а то эта тряска из нашего „магистра“ остаток сил вытряхнет. И что это за дрянь посереде дороги разлеглась?..»

Голос продолжал что-то бормотать, но Лисий Хвост уже не слушал. Его сон прервался размышлениями. Он вдруг понял, что именно во сне может спокойно все обдумать, не беспокоясь, что его прервут или отвлекут.

Значит, так! После перехода он оказался в совершенно реальном мире. По крайней мере в этом он точно уверен. До встречи с «разбойничками» его окружала действительность без какого-либо изъяна. Первый признак морока он обнаружил при встрече с тем бородастым мужиком, который оказался предводителем шайки и прозывался Кудлатый Хват. Там он сразу увидел трещину и опознал морок. Но ведь он с этим мороком быстро разделался! Не было ни Кудлатого Хвата, ни четверых душегубов, так, одно наваждение. И нес это наваждение, сам того не зная, белокурый паренек, ставший его спутником. До города они дошли в совершенно реальном мире. Разве что всадники... Ведь всадники-то были без седел! Какая ж верховая езда без седла!.. Потом постоялый двор. Хозяин оглушительно орал, в этом нет никакого сомнения, он отлично слышал эти вопли. А потом и этот гоблин, и его попутчик заявили, будто ему послышалось, и разговаривать стали нормально... Только ему не послышалось! Но он же не обнаружил никакой трещинки... Или наваждение было настолько искусным, что ему было не под силу разобраться?.. Ну, это вряд ли!.. Он все-таки магистр, и в наваждениях собаку съел!.. А эта дрянь на дороге! Это ведь точно не морок. Это скорее ловушка... или даже откровенный перехват... Перехват кого?.. Перехват его!.. Но кто знал, что он окажется в этом Мире, на дороге к Тань-Шао? Кто?!

А может, не надо себя накручивать? Лучше спокойно разобраться, что происходит. В конце концов, он направляется туда, куда ему надо, и если с ним кто-то играет в непонятные игры, рано или поздно ему придется объяснить правила игры. Или же он будет играть по своим правилам, и тогда...

И тогда магистр проснулся.

Фургон катился по мягкой дорожной пыли среди полей и лугов предгорий. Лес, куда их не пускала ловушка, давно остался позади. Вокруг стояла тишина, и лишь иногда легкий скрип колеса или позвякивание сбури нарушало ее. Магистр открыл глаза и увидел над собой высокое голубое небо с легкими белыми облачками в вышине, перечерченное четырьмя черными полосками каркаса снятого тента. По тому, как высокие облака были подкрашены розовым, он понял, что дело идет к вечеру. Он чувствовал себя отдохнувшим и бодрым.

«А ведь я проспал почти весь день!» – подумал он. Потянувшись, Лисий Хвост сел и огляделся. Их фургон по-прежнему двигался первым. Светлый Ван сидел рядом с возницей и о чем-то тихо с ним переговаривался. Их разговор совершенно не нарушал окружающую тишину. Остальные три фургона каравана растянулись длинной цепочкой, так, чтобы пыль, поднятая передним фургоном, не слишком досаждала следующим. Солнце действительно висело уже достаточно низко над горизонтом, освещая окружающую равнину косыми розоватыми лучами. Но самое главное, буквально в нескольких километрах от каравана вставали

передовые отроги гор, к которым так стремился Лисий Хвост. Прижавшись к ним, на опушке небольшой рощицы стояла темная громада окруженного стеной монастыря.

То, что это монастырь, а не какая-нибудь крепость местного феодала, Лисий Хвост понял сразу, как и то, что караван направляется именно к этому монастырю. Значит, скоро он наконец познакомится с людьми, познающими Суть. И не важно, что, по словам его спутника, в нижних монастырях «разрабатывали только отдельные части учения», главное, эти люди были приобщены к Знанию. А значит, можно было выяснить хотя бы общие черты этого Знания.

В этот момент пересевший вперед Светлый Ван оглянулся и, увидев проснувшегося магистра, улыбнулся.

– Отдохнул, святой отец?

– Да, вполне. Можно еще с одной тучкой разобраться, – улыбнулся в ответ магистр, натягивая на голову капюшон своей хламиды.

– Ты, учитель, и так теперь станешь полубогом или по меньшей мере национальным героем. Я представляю, что будут рассказывать очевидцы о твоём волшебстве, когда вернутся по домам. – Ван кивнул в сторону следовавших за ними фургонов, а затем, опустив глаза, добавил: – А помощник твой, так тот вообще всех поразил!..

Лисий Хвост проследил за взглядом Вана и увидел свой посох, аккуратно уложенный рядом с ним вдоль бортика повозки.

– Это не помощник, – магистр ласково погладил резную фигурку крысы, – это друг... Мы с ним столько вместе прошли, что друг без друга уже и жить не можем.

Немного помолчав, Лисий Хвост поднял голову и, встретив взгляд Вана, спросил:

– Как я понимаю, мы направляемся в вон тот монастырь? – Магистр указал в сторону темнеющей впереди стены.

– Совершенно верно. Там мы переночуем, а утром двинемся дальше, уже пешком.

– Значит, фургоны двинутся назад?

– Да нет. Фургоны останутся в монастыре до возвращения наших проводников. – Он посмотрел на помалкивающего рыжего возницу и добавил: – Они должны довести нас до Поднебесного.

Лисий Хвост понимающе кивнул и сменил тему разговора:

– Вообще-то я бы с удовольствием перекусил. Хоть завтрак и был плотным, но я все-таки целый день ничего не ел...

Ван улыбнулся и почесал разлохматившуюся голову.

– Можно остановиться и закусить, но если магистр немного потерпит, мы поужинаем в Замшелом Камне. Это будет и удобнее, и вкуснее, и интереснее...

– Ну, раз в Замшелом Камне и удобнее, и вкуснее, и... А что это, собственно говоря, такое – Замшелый Камень?

– Это и есть монастырь, в который мы направляемся.

– А почему Замшелый Камень?

– О, это целая легенда. Но лучше услышать ее из уст настоятеля монастыря. Если говорить откровенно, только он и может по-настоящему рассказать эту легенду. Любой другой, даже если слышал ее не один раз, обязательно забудет что-нибудь важное. Могу только сказать, что из этой легенды следует, будто этот монастырь самый старейший, и именно он положил начало всему Тань-Шао.

– Как интересно! – Глаза магистра блеснули из-под капюшона. – Еще одна причина потерпеть с ужином.

– Да не так уж долго и терпеть придется, – вступил в разговор рыжий возница. – Нам и ехать-то меньше часа осталось.

– А тебя как, мой дорогой, зовут? – обратился магистр к вознице. – Мы целый день в одной повозке, а я до сих пор не знаю твоего имени.

– Как папа с мамой звали – не скажу, не знаю. А люди называют по-разному: кто – рыжий, кто – красный, кто – Длинный Кнут. А как ты будешь звать – твое дело.

– Да нет, не только мое. По-моему, человека надо называть так, чтобы ему самому нравилось и чтобы он знал – это к нему обращаются... Так как же к тебе обращаться?

– Ишь ты, какую базу подвел, – ухмыльнулся возница. – Ну коли так, хорошо, называй меня Длинный Кнут. Насколько мне известно, в округе таким именем никого больше не называют. Так что я сразу пойму, что ты ко мне обращаешься. – И рыжий довольно ухмыльнулся.

– Тогда скажи мне, Длинный Кнут, каковы наши шансы вовремя добраться до Поднебесного? Ты же, как я понял, неоднократно проделывал этот путь.

– Шансы?... – Возница задумчиво хмыкнул. – Если завтра встанем пораньше, да если в группе подобрались хорошие ходоки, да если никаких приключений вроде сегодняшнего не случится, – он покосился на магистра, – тогда к вечеру подойдем к монастырю. Тропочки проложены надежные, дорогу мы хорошо знаем, так что все от паломников зависит.

Он повернулся назад и внимательно посмотрел на следовавшие позади фургоны. Те прибавили ходу и почти догнали переднюю повозку. Чувствовалось, что всем не терпится оказаться в уже хорошо видимом монастыре. Даже уставшие лошадки побежали бодрее, потряхивая лохматыми головами.

А монастырь был совсем рядом, уже можно было разглядеть замшелые камни, из которых была сложена его ограда и которые, вполне возможно, дали название монастырю. В этот момент его ворота медленно отворились, и на дорогу выехали четыре всадника в темных монашеских накидках, с надвинутыми на лица глубокими капюшонами. Они разъехались по двое в разные стороны и замерли, на манер почетного эскорта, сливаясь в вечернем полумраке со стенами монастыря.

Затем в воротах показался всадник на высоком вороном скакуне. Вся его фигура была закутана в абсолютно черный плащ, на котором резко выделялись широкий серебряный пояс и такая же цепь. На цепи посверкивала тяжелая, похожая на кованую, подвеска с большим, прозрачно-синим камнем. Монашеский капюшон плаща был откинут и открывал широкое скуластое лицо, оттененное буйной, абсолютно белой шевелюрой и такой же седой, короткой, аккуратно подстриженной бородкой.

– Клянусь Сутью, нас сам настоятель встречает! – изумленно выдохнул Длинный Кнут.

– А что, такое редко происходит? – Глаза Лисьего Хвоста блеснули из-под капюшона.

– Да за те тридцать лет, что я хожу по пути к Поднебесному, это впервые! – Длинный Кнут был настолько возбужден, что даже привстал со своего потертого сиденья. – Какое там! Я за эти тридцать лет настоятеля Замшелого Камня и видел-то всего пару раз. А тут такая встреча, прямо торжественный выезд. Можно подумать, особа королевской крови в монастырь въезжает. Да пожалуй, и короля настоятель так встречать не стал бы. Ну разве что на крылечко бы вышел.

Светлый Ван молча и, казалось, неодобрительно рассматривал встречающих.

Через несколько мгновений фургоны гуськом подкатили к воротам монастыря и остановились перед встречающими. Настоятель тронул своего жеребца и, выдвинувшись на пару шагов вперед, громко спросил:

– Кто из следующих в Поднебесный называет себя Серым Магистром?

Лисий Хвост инстинктивно положил руку на свой посох и ответил, не вставая со своего места:

– Этим именем называюсь я.

– Ты следуешь один, или тебя кто-то сопровождает? – обратился настоятель к магистру.

– Меня сопровождает вот этот молодой человек. – Лисий Хвост кивнул в сторону Светлого Вана. – А ведет нас Длинный Кнут.

Настоятель бросил беглый взгляд в сторону сидевших в фургоне и снова обратился к магистру:

– Прошу тебя и твоих спутников проследовать за мной в отведенные для вас помещения.

Настоятель снова тронул своего коня и, развернувшись, направился в глубь монастырского двора. Длинный Кнут хлопнул вожжами по спине своей лошадки, и фургон двинулся за настоятелем. Остальные фургоны последовали за первым, но как только они въехали во двор, их завернули влево, вдоль монастырской ограды. А Лисий Хвост и его спутники медленно катили за настоятелем через двор к небольшому, отдельно стоявшему, двухэтажному флигелю. Маленький домик был ярко освещен, и в его окнах мелькали темные фигуры.

Как только настоятель приблизился к дверям флигеля, из них выскочило несколько фигур в монашеских одеяниях. Один из монахов подхватил лошадь настоятеля под уздцы, двое помогали ему спуститься с седла на землю, еще двое подошли к фургону, намереваясь помочь магистру выбраться из него. Но Лисий Хвост, одним прыжком перемахнув низкий борт повозки, уже стоял на земле, привычно опираясь на свой посох. Рядом с ним, как всегда несколько сзади, уже находился Светлый Ван. Длинный Кнут поглаживал морду своей лошадки, дожидаясь, когда ему укажут место для фургона и стойло для лошадки.

– Прошу. – Настоятель сделал широкий жест в сторону двери. – Наш монастырь не слишком богат, но мы сделаем все, чтобы достойно встретить столь замечательного гостя. – И он первым вошел в дверь флигеля.

– Ну чем же я замечателен? – смущенно пробормотал Лисий Хвост, следуя за своим радушным хозяином.

– Не скромничай! Я думаю, что стены этого монастыря еще не видели столь искусного чародея. – Настоятель обернулся на ходу и уточнил: – Мы слышаны о сегодняшнем происшествии и о том высоком Искусстве, которое ты выказал, устраняя препятствие с дороги. Вся монастырская братия горит желанием увидеть такого могучего волшебника.

– Быстро у вас новости расходятся! – поразился Лисий Хвост. Светлый Ван тихо кашлянул у него за спиной, но ничего не сказал.

– Да, служба информации у меня поставлена как надо. – Настоятель снова обернулся, довольно улыбаясь.

Они вошли в небольшой уютный зал, обставленный темной, явно старинной, мебелью. Посреди комнаты красовался большой овальный стол, сверкавший белоснежной скатертью, хрусталем, фарфором и серебром столовых приборов. Вокруг стола располагались двенадцать стульев с высокими прямыми спинками.

Настоятель остановился и, повернувшись к своим гостям, произнес:

– Как ты видишь, магистр, у нас все готово для торжественного ужина. Перед ним, я думаю, тебе и твоему... – он на секунду запнулся, – достопочтенному спутнику необходимо привести себя в порядок, умыться... Так что мы ждем вас через полчаса, а сейчас вас отведут в приготовленные для вас комнаты.

Двери в противоположной стене зала открылись. За ними стояли два монаха, ожидая магистра и его спутника. В их сопровождении Лисий Хвост и Ван поднялись на второй этаж. Там оказалось несколько небольших отдельных спален, две из которых и были предназначены путешественникам.

Провожавший магистра монах открыл дверь его комнаты, но внутрь не вошел, а лишь молча поклонился, пропуская его вперед. Входя в комнату, Лисий Хвост поймал восхищенный и в то же время настороженный взгляд, брошенный в его сторону из-под надвинутого капюшона.

За небольшой, темноватой прихожей, оснащенной встроенным шкафом, располагалась собственно комната. Спаленка была небольшой, и практически всю ее занимала роскошная кровать под высоким помпезным балдахинном. Стоявшие рядом с ней столик и кресло терялись в ее великолепии. За небольшой, окрашенной в светлый тон дверью располагался туалет со всеми полагающимися причиндалами.

Лисий Хвост, памятуя об отпущенном ему получасе, быстро скинул свой балахон и простую светлую рубаху, ополоснулся до пояса и растерся висевшим на крюке льняным полотенцем. Посмотрев на свою рубашку, он почесал в затылке, недовольно покачал головой и прошел в спальню, а затем решил поинтересоваться содержимым встроенного шкафа. Как ни странно, в разделенном на две части шкафу лежали на полке четыре белые, чистые, накрахмаленные и отглаженные рубашки. Рядом висели на вешалке две темные монашеские сутаны, матово поблескивая дорогим шелком.

Магистр хмыкнул и достал одну из рубашек и, развернув, попытался ее натянуть. Он и не удивился, когда она пришлась ему впору. Даже ворот и обшлага были чуть-чуть свободны – именно так, как он любил. Однако роскошные сутаны он примерять не стал. Вместо этого он отыскал в шкафу щетку и, тщательно вычистив свою хламиду, натянул ее поверх чистой рубашки. Затем он с облегчением вздохнул и толкнул дверь. За ней стоял его провожатый. Увидев выходящего магистра, он легко поклонился и спросил:

– Может, мастеру что-нибудь нужно?

– Да, мой дорогой, – встрепенулся Лисий Хвост. – Нельзя ли привести в порядок мою рубашку? Она несколько не свежа...

Монах склонил голову и быстро прошел в комнату.

– Только посох мой не трогай! – крикнул ему в спину магистр.

Через несколько секунд монах вернулся, держа в руках магистрову рубашку так, словно это была святая плащаница.

– Все будет сделано, – заверил монах, проскальзывая мимо магистра с этим священным одеянием. Лисий Хвост только недоуменно хмыкнул вслед новоявленному неопиту. В этот момент из соседней комнаты появился Светлый Ван, на ходу отдавая какие-то поручения прислуживавшему ему монаху. Магистр от изумления даже высунулся из своего капюшона.

Светлый Ван был одет в лилового цвета сутану, с большим отложным воротником, отделанным тонкими кружевами. Широкий пояс, расшитый серебряным узором, подчеркивал тонкую талию юноши. Его светлые прямые волосы прикрывала небольшая круглая шапочка под цвет сутаны. Лисий Хвост сразу поймал себя на мысли, что видит перед собой католического епископа.

Чисто вымытое лицо Вана было абсолютно спокойно и невозмутимо. Было совершенно ясно, что носить такую одежду для этого молодого человека гораздо привычнее, чем те лохмотья, в которые он был наряжен днем.

Увидев магистра, Ван радостно улыбнулся и сделал широкий приглашающий жест. При этом Лисий Хвост заметил, как у него на безымянном пальце блеснул огранный аметист.

– Да ты, оказывается, щеголь, – не удержался Лисий Хвост от шпильки.

Ван провел рукой по шелку сутаны и снова улыбнулся.

– А что, по-моему, мне идет. Давно я так не наряжался...

– Идет, идет. Согласен. Мне даже кажется, что эта одежда для тебя гораздо привычнее, чем твои лохмотья.

– Хорошее всегда кажется более привычным. Вот, например, сейчас ты решишь, что для меня более привычны великолепные вина и хорошая кухня, чем вчерашние гостиничные деликатесы. И что я, против твоего ожидания, способен на хвалебные речи и славословие.

– Это кому ты собираешься посвятить свою хвалебную речь?

– Тебе, магистр! Если я не ошибаюсь, настоятель вместе со всеми высшими чинами монастыря тебя собираются чествовать. – И Ван снова довольно улыбнулся.

– Не понимаю, что это ты так радуешься? – недовольно проворчал в ответ магистр. – Я вообще не могу понять, как они узнали о происшедшем на дороге, а кроме того, мне очень не хотелось бы становиться сколько-нибудь заметной личностью, тем более героем, о котором трубят на всех перекрестках.

– Ну почему? Разве не справедливо возвеличить твоё Искусство? Оно ведь достойно преклонения...

– Я не собираюсь оценивать своё Искусство, я желаю оставаться простым и незаметным человеком, ищущим возможность постичь Суть! И всё!

– Трудно оставаться простым и незаметным человеком, демонстрируя при свидетелях такое волшебство. Ты только представь, что сейчас рассказывают твои попутчики в гостевом корпусе! А что они при этом прибавят, присочинят, вообразят?! Так что от славы и поклонения тебе теперь никак не скрыться.

Переговариваясь таким образом, Лисий Хвост и его товарищ спустились по лестнице и вошли в обеденный зал.

Там уже собрались человек десять, но они пока что стояли или прохаживались по залу, тихо переговариваясь и посматривая на двери. Как только магистр и Ван появились в зале, все присутствующие потянулись в их сторону, непринужденно выстраиваясь в некое подобие очереди. И через несколько секунд настоятель уже представлял магистру своих главных помощников, а еще через пару минут они расселись за столом.

Магистр оказался справа от настоятеля, восседавшего во главе стола. С другой стороны он обнаружил Вана, который держался незаметно, но не отходил от своего покровителя. Было удивительно, как ему удается в своем вызывающе роскошном одеянии оставаться столь неброским.

Настоятель – крупный, красивый мужчина, сменил свой торжественный наряд на более домашнюю одежду, которая выглядела ничуть не беднее прежней. Его глубокий баритон звучал энергично и доброжелательно, но в то же время не «давил» на собеседников. Напротив, именно его стараниями разговор за столом стал общим и довольно оживленным.

В начале ужина главной темой, интересовавшей всех без исключения, стала, конечно, история, происшедшая с караваном на дороге. Все присутствующие жаждали услышать подробности, что называется, из первых рук. Магистр наотрез отказался что-либо рассказывать, ссылаясь на то, что плохо помнит события, так как был занят сотворением и поддержкой заклинаний. Сотрапезники разочарованно вздохнули, но тут подал голос Ван.

– Мне кажется, магистр действительно вряд ли сможет рассказать, что и как там происходило, несмотря на то что он был главным действующим лицом. Я все время находился рядом и могу подтвердить, что он должен был все свое внимание сосредоточить на борьбе. Недаром он после своей великолепной победы был совершенно вымотан и проспал почти десять часов.

Над столом опять повис гул голосов, но на этот раз в нем было нескрываемое восхищение.

– Если мне будет разрешено, – продолжил Ван, – я расскажу вам все. А я, поверьте мне, был самым непосредственным очевидцем.

Конечно, все тут же согласилось, и в течение последующего получаса Светлый Ван рассказал настолько потрясающую историю, что слушатели сидели завороченные и даже пропустили перемену горячей рыбы, не заметив, как унесли их полные тарелки.

Надо отдать должное и рассказчику, который оказался большим мастером эффектных пауз, невероятных поворотов сюжета, а кроме того имел драматически окрашенный тембр голоса. К середине ужина, когда рассказ был давно закончен, а бурное его обсуждение выли-

лось в приветственные тосты за здоровье магистра, настоятель наклонился к Лисьему Хвосту и тихонько произнес:

– Ты, брат по Сути, не удивляйся такому бурному проявлению чувств. Знаешь, какое у нас в монастыре царило уныние, когда в течение последних трех дней к нам не прибыл ни один караван. И это в канун праздника Познания Сути, когда паломники идут нескончаемым потоком.

– То есть в течение трех дней в ваш монастырь не пришел ни один человек?! – изумился Лисий Хвост.

– Именно! – Настоятель слегка повысил голос, и на их приватную беседу обратили внимание другие сотрапезники. – Более того, монастырь послал трех братьев проверить дорогу. Поговаривали о каком-то разбойнике: Кудлатый Хват его, кажется, называли... Так вот, монастырь послал трех братьев проверить безопасность тракта. Вернулся только один. Он рассказал, что при выходе из Серого ельника, лес один так у нас называют, он отстал от своих спутников, перевязывая свой мешок, и они прошли немного дальше. Когда он позвал их помочь ему закинуть мешок на спину, один из них вернулся, но, не доходя нескольких метров до опушки, вдруг пропал. Брат Квириин говорит, что он просто исчез с дороги. Второй, видимо, растерялся и побежал следом за исчезнувшим и тоже пропал в том же самом месте. Брат Квириин поспешил вернуться назад в монастырь, но сумел оставить на опушке «глаз» и «ухо». Поэтому мы видели и слышали все, что там происходило. Правда, плохо, – несколько смущенно добавил настоятель. – Брат Квириин еще довольно неопытный маг...

– Значит, эта ловушка стояла уже несколько дней... – задумчиво произнес магистр.

– И действовала в одну сторону, – неожиданно добавил Ван.

– И действовала в одну сторону, – медленно повторил Лисий Хвост. – Сколько же она людей слопала?

– И на кого была поставлена? – снова подал голос Ван.

– Но теперь благодаря Серому Магистру мы избавлены от этого кошмарного наваждения! – бодро закончил тему настоятель, и его громкий голос снова вызвал бурю восторга у присутствующих. Все начали чокаться, стараясь обязательно коснуться бокала магистра. Теперь он гораздо лучше понимал и радость этих людей, и их желание достойно отблагодарить его за избавление от неведомой, и поэтому еще более страшной, опасности. Он незаметно тронул шероховатый камешек в кармане своей хламиды и тревожно подумал: «Что же ты такое?!»

Когда шум за столом несколько улегся, Лисий Хвост потрянул головой, отгоняя нерасторопные размышления, и обратился к настоятелю.

– Мне бы тоже очень хотелось послушать историю, полностью рассказать которую, по слухам, может только твоя милость.

Настоятель, выпивший уже не меньше пяти больших бокалов довольно крепкого вина, перевел на магистра слегка затуманенный взгляд.

– Я имею в виду историю возникновения вашего монастыря... – пояснил магистр.

– Ты хочешь знать историю нашего монастыря? – переспросил настоятель и вдруг, бросив на магистра короткий, совершенно трезвый взгляд, добавил: – А ты уверен, что готов ее слушать?

Лисий Хвост твердо взглянул в бледно-голубые глаза настоятеля и ответил:

– Да, я готов ее выслушать и осознать всю ее мудрость.

Настоятель еще раз, более долго посмотрел на магистра и медленно произнес:

– Хорошо... Слушай...

Внезапно общий веселый гомон застолья стал стремительно удаляться от магистра. Его окутывала невесомая и в то же время какая-то вязкая тишина. Вот все звуки окончательно смолкли, и в воздухе разлился звонкий удар бронзового гонга. Когда последняя виб-

рация чистого звука затихла, Лисий Хвост услышал густой, ясный голос, обретший некую неуловимую, магическую силу.

– Он появился у подножия гор Тань-Шао сразу после окончания Великой Войны и возникновения непроходимых Границ...

Интерлюдия

Он появился у подножия гор Тань-Шао сразу после окончания Всеобщей Войны и возникновения непроходимых Границ. Он пришел в одно из весьма немногочисленных и малоллюдных селений, спустившись якобы с этих самых гор. Люди в селении только-только приходили в себя от ужасов и безумия Войны, они едва начали новую жизнь и поэтому очень боялись всего нового, особенно новых людей.

Этому селению повезло – в нем сохранилось двое стариков, которые, как ни странно, помнили довоенное время. Именно они стали наставниками односельчан в новой жизни, строя ее по собственным законам и правилам. И одним из таких незыблемых правил было – если ты первым заметил незнакомого человека, либо убей его, либо спрячься.

Поэтому, когда один из молодых селян, собирая в предгорном лесу съедобные корни, увидел за кустами незнакомца, одетого в странный, темного цвета балахон, он сразу решил убить его. Тем более этот необычно одетый мужчина сидел под кустом спиной к нему и, кажется, что-то жевал. Бывший «воин» тише лесного ветерка подкрался к незнакомцу и уже потянулся к своему верному ножу, чтобы всадить его в незащищенную спину, как вдруг услышал спокойный и даже какой-то ласковый голос:

– И не пытайся... Все равно у тебя ничего не выйдет...

Бывший солдатик застыл на месте, а потом дернулся бежать, прятаться, но снова услышал тот же голос:

– А с чего это ты прятаться решил? Не бойся, я тебя не съем... Лучше давай подсаживайся. Компанию мне составишь.

Незнакомец обернулся, и на неудачливого убийцу глянуло круглое, довольно пухлое, добродушное лицо уже немолодого мужчины.

– Давай, давай, подходи... – повторил незнакомец свое предложение и приглашающе помахал рукой.

И тут на паренька снизошел странный, такой непривычный в последнее время, покой. Он сразу понял, что все его страхи остаются в прошлом, что мир прекрасен и добр, что сам он способен не только убивать и прятаться, но и творить добро, любить, просто поболтать по-дружески с незнакомым человеком. Парень вышел из-за кустов и присел прямо на траву напротив незнакомца.

Тот одобрительно хмыкнул, отломил от лежавшего перед ним на расстеленной холстине каравая большую краюху, посыпал ее солью и положил сверху толстый ломоть запеченного мяса. Потом достал из своего объемистого мешка глиняную кружку и набулькал в нее из фляжки какой-то густой пахучей жидкости. Все это он протянул парню, а когда тот ухватил выпивку и закуску, поднял свою кружку и со словами «со знакомством» одним духом выпил все.

Паренек тоже приложился к предложенной кружке, да так и не оторвался от нее, пока не вытянул все содержимое, оказавшееся не только очень пахучим, но и необычайно приятным, со сладковатым и одновременно терпким вкусом. После выпитого толстый бутерброд показался просто восхитительным, а человек, владеющий такими продуктами питания и не раздумывая делившийся ими с первым встречным, – сказочным божеством. Поэтому совершенно естественно, что через полчаса они вместе шагали к деревеньке, причем ноги у местного жителя слегка заплетались, а по лицу блуждала довольная улыбка.

Когда местные жители увидели столь вопиющее нарушение главного из существующих законов – ни в коем случае не показывать незнакомым людям дороги к своему селу, – они буквально лишились дара слова. Но не лишились дара дела. Через мгновение двух веселых собутыльников окружила толпа, правда, довольно редкая, вооруженная чем попало, в основ-

ном здоровенными колями. Намерения собравшихся были совершенно определенными – уничтожить и незнакомца, и ренегата. Но когда колья взвились в воздух, немолодой пришелец в странном длинном балахоне и с мешком за плечами неожиданно щелкнул пальцами обеих рук, и в то же мгновение местное население застыло, как по команде «замри» в детской игре.

Незнакомец стянул с головы покрывавший ее капюшон, крепко потер обширную лысину и принялся обходить созданную им живую картину, негромко приговаривая:

– И с чего это вы такие агрессивные?.. Неужто еще не навоевались... Глянь, двадцать шесть человек, из них шестнадцать женщин, и все с колями, и все на одного безоружного старика... Как же вам не стыдно...

А его новоявленный друг ходил следом за ним и повторял заплетающимся языком:

– ...вы... агрессивные... еще... навоевались... целых шестнадцать... женщин... на одного старичка... с колями... ой как стыдно!..

А аборигены лишь провожали эту компанию глазами – единственным, что еще могло у них двигаться.

Наконец незнакомец подошел к самой молоденькой из присутствовавших «женщин» и легонько ткнул ее указательным пальцем в лоб. Она тут же с тяжелым вздохом уронила свой валик для белья и стала оседать на землю, теряя сознание. Но пришелец не дал ей упасть. Он ухватил ее за подбородок и сильно дунул в лицо. Глаза у девушки сразу открылись и она выпрямилась, как по стойке «смирно».

– Скажи мне, милая девушка, – обратился к ней незнакомец, – есть ли в этом боевом гарнизоне нормальные, здравомыслящие люди, способные выслушать меня? Или вы все сразу хватаетесь за оружие?

– Надо было прятаться... – выдохнула в ответ девушка.

Незнакомец тяжело вздохнул, но его собеседница уже начала отвечать на его вопрос.

– Я провожу вас к старейшине Афету. С ним вы сможете поговорить о чем угодно. – Она немного помолчала и добавила: – Он очень умный...

Затем она повернулась и, забыв в траве свой тяжеленный валик, пошла в сторону центра села, не заботясь о том, следует ли за ней ее пожилой собеседник.

Так втроем они и вошли в довольно большой дом, сложенный из грубо отесанных каменных блоков. Девушка, оказавшись в прихожей – большой, но абсолютно пустой комнате, громко произнесла:

– К Афету пришел чужой человек. Он хочет поговорить. С ним околдованный Исат. – После этого она уселась на пол под стеной и не открывала рта в течение всей последовавшей за этим беседы.

Исат, который на своих заплетающихся ногах продолжал следовать за вновь приобретенным другом, посмотрел на усевшуюся девушку суровым взглядом и, укоризненно покачивая головой, выдал:

– Околдованный Исат очень хорошо соображат!.. Нет!.. Очень хорошо соображает... околдованный Исат... – Тут он выпучил глаза и тоже замолчал, задумавшись над своими языковыми проблемами.

Незнакомец вышел на середину комнаты и громко спросил:

– Есть тут кто живой? Или почтенный Афет тоже меня боится?..

– Нет, я тебя не боюсь, – раздался голос из пустого угла комнаты.

Пришедший повернулся и, внимательно посмотрев в этот угол, вдруг заулыбался.

– А почему ты не желаешь показываться?

– Жизнь научила, – ответили из угла. – Слишком мало в последние годы говорили и слишком часто убивали, не говоря ни слова.

– Но теперь с этим покончено...

– В этом еще надо убедиться. Как говорили во времена моей юности, поберегись и будешь сбережен!

– Но Война действительно закончилась и больше не вернется в наш мир...

– Хм... – снова донеслось из угла. – Это ты говоришь, а я тебя совершенно не знаю. Как же я могу тебе верить?

– Значит, я не смогу тебя увидеть?..

И тут снова вступил в разговор «околдованный» Исат.

– Да его уже лет пятнадцать... ик... никто не видел... ик... И вообще... ик... всем известно, что дед Афет давно... ик... кончился... Вот только голос от него... ик... остался...

В углу тихо захихикали, а Исат вдруг забормотал:

– Икотб, Икотб... переползай-ка на кота... с кота на соседа... вот и вся беседа... – после чего посмотрел на своего друга и, радостно улыбнувшись, добавил: – Наговор такой... ик... Сам придумал...

– Если б я знал, что тебя так развезет, я не стал бы тебе полную кружку наливать... – дружелюбно ответил тот и снова повернулся к говорящему углу.

– Ну что ж, раз хозяин показываться не желает, я задерживаться не стану. Хочу только сказать, что я пришел в ваши края, чтобы создать... школу. Здесь недалеко, за лесом, я рассмотрел подходящее место и прошу вашей помощи. Мне для начала надо построить небольшое здание.

– И чему ты собираешься учить?

Из глаз гостя мгновенно исчезли искорки смеха, а лицо стало старым и печальным. Даже голос его прозвучал устало:

– Жизни...

– Э, милый, – ответил невидимый Афет. – Жизнь сама жизни учит...

Легкая улыбка снова вернулась на лицо незнакомца:

– Нет, почтеннейший, жизнь ничему не учит, иначе среди стариков не было бы глупцов, и их мудрость не знала бы границ. А этого, к сожалению, нет. Вот тебя разве жизнь научила никому не верить и всего бояться?..

– Именно жизнь!..

– Да нет, не жизнь, а встречавшиеся люди. Но то, что тебе в жизни встречались в основном мародеры и убийцы, совсем не означает, будто все люди относятся к этим двум категориям. А между тем ты ведешь себя так, словно прийти в твою деревню может только мародер и убийца. И свой народ ты учишь именно такому образу жизни. Но неужели ты думаешь, что спрятавшись в комнате наверху и оставив в углу этого зала свой Голос, Взгляд и Ухо, ты убережешься от напастей?

На несколько минут повисло молчание, а затем в голой стене открылась потайная дверь, и в комнату вошел высокий худой старик. Его длинные, тщательно расчесанные седые волосы падали почти до плеч. Простые холщовые штаны и рубашка были незапятнанно белыми. Из штанин выглядывали босые ступни.

Пришелец коротко поклонился, приветствуя старика, а долго молчавший Исат вытаращил на старика изумленные глаза и проговорил неожиданно трезвым голосом:

– Вы только взгляните, притопал Афет, которого не видели мы столько лет!..

Старик, не удостоив вниманием новоявленного пьяницу-рифмоплета, обратился к незнакомцу:

– Как тебя называть, странник?

Тот наклонил голову и, немного подумав, ответил:

– Вообще-то у меня много разных имен, но вы можете называть меня Хэлф... – Он помолчал и добавил: – Да, Хэлф. Это будет и правильно, и хорошо.

– Мы поможем тебе, Хэлф. Мы построим для твоей школы дом. Но обещай мне никогда не использовать свое Искусство во вред моим людям.

– А во вред другим людям можно? – лукаво улыбнулся незнакомец и, не дожидаясь ответа, добавил непонятную фразу: – Нет, я не принесу вреда, для этого есть другой Хэлф.

Старый Афет поднял на говорившего вопросительный взгляд, но встретившись с ним глазами, вздрогнул и потупился.

И снова наступившее молчание нарушил Исат.

– Эй, Кира, – обратился он к сидевшей на полу девушке. – Поди возвести народу о явлении Афета. Оказывается, от него не только голос сохранился, но и еще кое-что.

Афет бросил на Исата разгневанный взгляд и процедил сквозь зубы:

– А ты будешь сурово наказан за нарушение правил жизни, за...

– Он не будет наказан!.. – перебил старика Хэлф.

– Он мой человек, и будет мной наказан! – твердо сказал Афет, не глядя на пришельца.

– Он мой человек, мой первый ученик... – мягко, но непреклонно возразил Хэлф. – И поэтому он не будет наказан, как не будут наказаны твои люди, пытавшиеся меня убить...

– Надо было прятаться, – снова повторила Кира безнадежным голосом.

Все присутствующие посмотрели в ее сторону, и Хэлф произнес странно изменившимся, низким голосом:

– Кто, желая себе добра, налагает наказания на существа желающих себе добра, тот не получит желаемого...

После этого он повернулся и двинулся к выходу. Исат пошел следом, Кира вскочила на ноги и тоже последовала за Хэлфом, а за ней, немного задержавшись, двинулся и старый Афет.

Они вышли на площадь, где оставались недвижимыми напавшие на Хэлфа люди. Здесь Хэлф произнес несколько коротких слов на незнакомом языке, и бедняги, дернувшись, как от громкого окрика, обрели подвижность. Кто-то принялся растирать затекшие поясницы, шеи, бока. Кто-то, уронив свое неуклюжее оружие, опустился на землю. Кто-то охал, придерживая руками голову. Афет с изумлением рассматривал своих односельчан, а потом вопросительно посмотрел на пришельца.

– И тем не менее это не наказание, – ответил тот на невысказанный вопрос.

– Тогда что это?

– Это жизнь, которая не учит.

Афет несколько минут молча смотрел на отвернувшегося Хэлфа, а затем повернулся в сторону жителей.

– Этого человека зовут Хэлф, – указал он на пришельца, – с завтрашнего дня он будет строить школу, место он уже выбрал. Мы поможем ему, потому что он наш друг.

А жители между тем прекратили свои стоны и растирания и во все глаза разглядывали своего старейшину. Казалось, они не воспринимают сказанного им, настолько велико было их изумление, вызванное его появлением. Наконец один из самых молодых ребят перевел свои глаза с Афета на Хэлфа, и в них загорелось понимание. Он вскочил на ноги и радостно заорал:

– Хэлф вернул нам Афета!!! Хэлф вернул нам Афета!!!

И тогда эта поразительная новость дошла до всех. Радостный вопль взвился к небесам.

На следующий день за ближним лесом, в долине между двумя отрогами начинавшихся гор, был заложен большой каменный дом, а всего через месяц, перекрывая проход к горам, встало большое трехэтажное здание из темного, грубо отесанного камня. Жители села, трудившиеся над возведением этой крепости, были изумлены, когда Хэлф, встав на пороге нового дома перед всеми ними, неожиданно сказал:

– А теперь пусть сюда войдут избранные для Учения. – И из стоявшей толпы молча вышли шестеро – Исат, Кира, Викт, Норг, Агалт, Соро. Они прошли мимо своих односельчан, словно не были с ними знакомы, и вошли в открытые двери. Хэлф низко поклонился оставшимся и закрыл за собой тяжелую дубовую дверь.

Прошло шесть лет и два месяца. Жители разросшегося селения привыкли к миру, к безбедной, сытой жизни, к темной, молчаливой глыбе монастыря, к его настоятелю – Обретшему Суть. Они почти забыли, что когда-то его звали Хэлф. Но однажды из дверей монастыря вышли семь высоких, подтянутых человек. Шестеро мужчин были одеты в длинные темные балахоны, а единственная девушка в такой же балахон, но чистого белого цвета. Они постояли, положив руки друг другу на плечи, а затем молча разошлись в разные стороны. И только один, тот, которого раньше называли Исат, остался на крыльце.

Скоро по всему миру поползли слухи о том, что в горной стране Тань-Шао появились шесть монастырей, чьи насельцы ищут Суть. А еще через некоторое время стало известно, что монахи отвечают практически на любой вопрос и никому не отказывают в дельном совете. Слава монастырей росла и множилась, количество желающих приобщиться к новому Учению росло день ото дня.

Но никто не подозревал, что шестеро учеников исчезнувшего Хэлфа, шестеро настоятелей, шестеро Обретших Суть ждут. И пришедшие им на смену ждут. И пришедшие на смену пришедшим на смену ждут. И пришедшие на... И так из поколения в поколение. Они ждали, когда в монастырях появится человек, которого можно будет назвать Серым Магистром, чтобы сказать ему заветные слова. Слова, которые выведут Серого Магистра на Путь.

Вот только все не приходил Серый Магистр!..

Камень первый (продолжение) Магистр по прозвищу Лисий Хвост

– Эти шестеро – первые ученики Хэлфа, стали настоятелями шести монастырей, из которых самый первый – Замшелый Камень, а самый высокий – Поднебесный. И имена настоятелей передаются из поколения в поколение, так что, принимая настоятельство, новый глава монастыря принимает и новое имя. А самое интересное, что настоятелем Поднебесного всегда становится девушка, и имя ей – Кира.

Настоятель подмигнул Лисьему Хвосту, и тот только сейчас осознал, что голос рассказчика потерял свою магическую мощь и снова превратился в красивый, но вполне обычный баритон.

– Ну, – неожиданно рассмеялся настоятель, – наш гость совсем заснул. Пора, пора отправляться в постель, а то завтра утром вы не сможете вовремя выйти.

Все, как по команде, задвигали стульями, вставая из-за стола. Лисий Хвост тоже поднялся, ощущая приятную сытость и легкую сонливость. Светлый Ван привычно встал у него за спиной. Еще раз раскланявшись с присутствующими, гости отправились наверх, в свои комнаты.

Войдя к себе, магистр первым делом заметил на спинке стула свою выстиранную и отглаженную рубашку. Он довольно покачал головой, удивляясь, насколько быстро было выполнено его поручение. Потом он разделся и с удовольствием забрался под одеяло.

Он уже не слишком удивился, когда к нему пришел его прежний сон. Снова была влажно-теплая темнота. Снова была настороженная тишина. Снова, после того, как он несколько мгновений напряженно прислушивался, раздались далекие голоса, почти сразу же ставшие ясно различимыми.

– ...уже схлебал свою похлебку? – спросило женское сопрано.

– Ага. А что, добавка есть?

– Вот обжора! Да тебе любой добавки мало!

– Это у меня от работы на свежем воздухе... Когда целый день вдыхаешь ветер дальних дорог, аппетит развивается невероятно.

– Да ты – поэт! Ты стишками, часом, не балуешься?..

– А ты считаешь, что раз я при лошадях, значит, уже в высоких искусствах ничего и не понимаю?

– Ну почему? Лошади сами по себе могут вызывать тягу к высоким искусствам. Вот например...

Магистр с каким-то отстраненным интересом прислушивался к этой незатейливой болтовне, как вдруг услышал, нет, скорее, почувствовал, что параллельно звучит другой разговор. Его отголосок еле-еле слышался где-то в стороне, и Лисий Хвост потянулся к нему. Но тут же понял, что двинулся не в ту сторону. Он снова метнулся на еле слышный звук и на этот раз чуть было совсем его не потерял. Тогда он замер, отрешившись от всего и полностью превратившись в слух. Теперь темнота сна не мешала, а, наоборот, помогала ему сосредоточиться. Постепенно еле слышные звуки стали яснее, словно говорившие медленно, но неуклонно двигались в его сторону.

– ...иду рядом почти с самого начала, и точно знаю что говорю.

– Я и не думал оспаривать твое заключение, только он ведь сам назвался Серым Магистром, и, кроме того, мы же видели его Искусство. Насколько я понял, ты сама не поняла, что за ловушку поставили на дороге. А он не только сразу разобрался, но и свернул ее. И как свернул!

- Да, ты прав, его Искусство высоко. Но он не понял кодовой фразы... И он не один...
- Как – не один?..
- С ним еще кто-то...
- Да с чего ты это взяла?!

Послышался легкий смешок, и наступила непродолжительная тишина. А затем беседа возобновилась.

- Ну хорошо. И что ты собираешься делать?
- То же, что и с первым...
- Так ведь он хочет стать ищущим Суть!
- Этого мы ему запретить не можем.
- Ты хочешь сказать...
- Пусть задает свой вопрос. Это его право.
- Но...
- Я думаю, что он долго в Тань-Шао не задержится. Я же тебе говорила – он не один... Снова ненадолго повисло молчание.
- Хорошо, иди отдыхай... Хм... Отдыхай...

Наступила тишина. Только теплый влажный мрак по-прежнему перекачивался через сознание магистра, убаюкивая его своей монотонностью.

Когда Лисий Хвост проснулся, за окном серел ранний рассвет, размытый белесым, клочковатым туманом. Монастырь был погружен в молчание, только какая-то шальная птица рвано цвиркала во дворе. Станный сонный разговор полностью стерся из памяти магистра, и лишь мутное беспокойство шевелилось в душе. Но он уже давно умел давить в себе такое беспокойство. Вот и сейчас, не обращая внимания на слабо теребившую его тревогу, он лежал, блаженно жмурясь и потягиваясь. Ведь по большому счету его экспедиция протекает вполне успешно. А некоторые шероховатости бывают в любом деле. Но пока они не мешают общему плану, не стоит обращать на них внимания.

Он на секунду позволил мыслям ветвиться бесконтрольно.

«Интересно, как там дела у девчонок. Конечно, они молоды, честолюбивы, но при этом вполне самостоятельны и осторожны. Да и задания у них достаточно просты. Правда, эта Златка... Язва черномазая, Антипов выкормыш. От нее всего можно ожидать. Ну да ничего, посидит пару лет в библиотечном подвале – поспокойнее станет. Да и с его светлостью белем Оземом особо не поспоришь – он и не таких обламывал. Маша-то поспокойнее будет, порассудительнее. Вот поэтому ее к герцогу и направили...»

И тут ему в голову пришло, что он впервые с момента перехода подумал о своей группе, что в течение трех дней он не имел с ними связи. Неожиданно он представил себе, как именно в этот момент кто-нибудь из его подопечных попал в беду и посылает срочный вызов! На лбу у него мгновенно выступила испарина, и он сел в постели. Но тут же усилием воли взял себя в руки. Ну что, в самом деле! Экспедиция тщательно продумана, утверждена Высшим Магистерским Советом, да и никаких серьезных действий не предусматривала. Даже при обнаружении разыскиваемых артефактов они должны были только сообщить на полигон. И ничего не предпринимать.

«Да! Если эта молодежь не начнет играть в героев...» – пришла в голову неприятная мысль.

«Ладно... – одернул он сам себя. – Нечего раньше времени канючить...»

В этот момент в дверь постучали. Он поднял голову и понял, что не заметил, как наступило утро.

– Уже встал! – крикнул он в закрытую дверь. – Через пару минут буду готов.

– Магистр, спускайся вниз, – послышался из-за дверей голос Светлого Вана. – Завтрак уже на столе.

Через несколько минут, быстро умывшись, одевшись и прихватив свой посох, Лисий Хвост входил во вчерашнюю пиршественную залу. Сегодня здесь было пусто. На голом, матово поблескивавшем столе лежали две небольшие салфетки. На них был сервирован легкий завтрак на двоих. Ван уже сидел за столом и жевал некое подобие бутерброда, одновременно прихлебывая из большой оловянной кружки.

– А где же наши радушные хозяева? – весело спросил Лисий Хвост.

– Праздник кончился, а по будням у них очень много неотложных дел. Хотя настоятель Исат обещал нас проводить, – негромко ответил Ван. Потом он покосился на запертую дверь и добавил: – Его приводит в восхищение твое Искусство.

– Значит, завтракаем в одиночестве, – довольно констатировал магистр. – А то эти славолюбия мне, признаться, порядочно надоели.

Он уселся на свое место и принялся за разложенные на салфетке закуски, не забыв плеснуть в свою кружку из стоявшего тут же объемистого кувшина.

Быстро покончив с завтраком, они вышли во двор монастыря и увидели своих попутчиков, уже полностью готовых к дальнейшему пути. Поскольку дальше им предстояло идти пешком, их небольшая поклажа была навьючена на четырех ослов. Длинный Кнут как раз стоял около одного из животных и с неодобрением его рассматривал.

– Что-то не так? – поинтересовался подошедший магистр.

– Я знаю эту скотину, – без всякого предисловия заворчал рыжий возница. – Эта вредная тварь без морковки шагу не сделает. Его и зовут-то Морковное Пузо. А морковки ему нужно как раз столько, сколько он может на себе утащить...

– Хм... – Магистр с сомнением уставился на осла, который действительно жевал морковь. – Так, может, пока не поздно, заменить его?

– Ключник утверждает, что это последнее свободное животное. – Длинный Кнут повернулся к магистру и неожиданно добавил: – А может, ты, святой отец, поговоришь с этим обжорой? Он все-таки вьючное животное, значит, должен делать свою работу.

– Ты хочешь, чтобы я провел с ослом разъяснительную беседу?! – ошарашенно переспросил Лисий Хвост.

– Вот, вот, – довольно подтвердил рыжий. – Именно – разъяснительную. Меня эта тварь совершенно не понимает. А колотить его монахи запрещают. Говорят – это против их священных правил!

Лисий Хвост сдвинул назад капюшон и почесал затылок.

– Я, признаться, специализируюсь на других вопросах. – Он подошел поближе к животному и оглядел его повнимательнее. Осел, как осел. Хрумкает морковку и потряхивает ушами. Магистр присел на корточки и пробормотал себе под нос: – Сюда бы Мерлина. Он у нас любитель с живностью беседовать...

– Кого, кого?.. – тут же подал голос Длинный Кнут.

– Да это я так, про себя... – отмахнулся магистр, продолжая рассматривать осла. Тот, в свою очередь, уставился на сидящего рядом человека большим лиловым глазом.

– Морковку, значит, любишь? – поинтересовался Лисий Хвост.

Осел утвердительно мотнул головой, и в его глазу затлел интерес к собеседнику.

– А какую морковку любишь больше – крупную или маленькую?

Осел пожал плечами и возмущенно оскалил зубы. Было ясно, что вопрос показался ему совершенно дурацким. Ну кого может заинтересовать мелкая морковка!

Магистр чудным образом переплел пальцы, а потом резко раздвинул руки. И тут осел увидел, что этот странный человек держит в руках морковку размером с увеличенную вдвое сахарную свеклу.

– А такая тебе нравится? – задал магистр очередной дурацкий вопрос. Какой же осел откажется от такой морковки!

Серый с отвращением выплюнул то, что жевал, и потянулся к деликатесу в руках магистра.

– Э нет! – Тот неожиданно отступил назад. – Вот прошагаешь за мной до вечера, тогда получишь свою морковищу...

Осел скорчил обиженную рожу, но спорить не решился, все-таки в группе были еще трое ослов, которые наверняка видели эту удивительную морковку и тоже были не прочь ее попробовать.

Магистр демонстративно опустил гигантский корнеплод в карман своей серой хламиды, который сразу же призывно раздулся. Когда владелец необычной морковки повернулся и направился в сторону показавшегося из дверей настоятеля монастыря, осел немедленно последовал за ним, не сводя замороженных глаз с призывно оттопыренного кармана.

– Я хотел бы поблагодарить тебя за оказанное гостеприимство, – обратился Лисий Хвост, подходя к настоятелю. – Единственно, о чем я жалею, так это о том, что мне не удалось поговорить с тобой об учении, которое проповедует Замшелый Камень. Но время, отпущенное мне для достижения Поднебесного, крайне ограничено. Я надеюсь, что на обратном пути ты удостоишь меня беседы. – И магистр слегка наклонил голову.

Светлый Ван, маячивший за спиной магистра, и Длинный Кнут, оказавшийся рядом, также поклонились настоятелю, правда, гораздо ниже, чем Лисий Хвост. Настоятель Исат задумчиво оглядел стоявших во дворе людей, потом перевел взгляд на магистра и величаво ответил:

– Я всегда буду рад беседе со столь великим чародеем. Если твой путь приведет тебя к любым воротам Замшелого Камня, наше гостеприимство в твоём распоряжении. А сейчас вам пора в путь и пусть всегда пребудет с вами Голос!

Настоятель махнул рукой, и ворота, противоположные тем, в которые вчера вечером вошел караван, медленно распахнулись.

Двадцать паломников медленно вышли на дорогу. Впереди шагал один из возчиков, переквалифицировавшийся в проводника, за ним компания из пяти человек, похоже, хорошо знакомых между собой. Далее шли три ослика под присмотром погонщика, за ними остальные путешественники, разбившиеся на небольшие, по три-четыре человека, группы. Последними из ворот монастыря вышли Лисий Хвост, Длинный Кнут и Светлый Ван, которых сопровождал Морковное Пузо, пристроившийся рядышком с правым боком магистра. Настоятель Исат задумчиво провожал их взглядом. Когда ворота за паломниками закрылись, рядом с ним возникли двое закутанных в темные плащи монахов.

– Пойдете за караваном, – властно проговорил настоятель. – С Познавшей Суть ничего не должно случиться. На глаза Серому Магистру не показываться. Если что – пошлете Зов! Ступайте! – Монахи молча спустились с крыльца и исчезли за незаметной калиткой рядом с воротами.

Сразу за воротами монастыря начиналась утоптанная и довольно широкая тропа, которая змеилась между высоких стройных сосен светлого, принизанного солнцем леса. Несмотря на довольно ранний час, на тропе совершенно не чувствовалось лесной сырости, скорее наоборот, воздух был душноват и напоен запахом хвои и смолы. Растянувшиеся по тропе несколькими группами паломники, сначала громко переговаривавшиеся, постепенно примолкли. Величие и необычная тишина леса подействовали на людей умиротворяюще.

Лисий Хвост шагал позади основной группы, о чем-то глубоко задумавшись. Светлый Ван, уже привыкший к молчанию магистра во время ходьбы, шагал чуть отстав от него. Зато Длинный Кнут, удивленный поведением никчемного, по его мнению, осла, нарушил молчание.

– Святой отец, что ты ему такое шепнул? Посмотри, он от тебя не отстает. Первый раз вижу, чтобы Морковное Пузо без морковки груз тащил.

Магистр оглянулся на осла и, улыбнувшись, ответил:

– Он торопится за мечтой... Он еще не знает, насколько она может быть обманчива...

– Надеюсь, его мечта продержится пару суток. Иначе мы с ним намучимся, да и в Поднебесный опоздать можем...

– Его мечта продержится гораздо дольше... Его мечта будет жить вечно... – И магистр снова замолчал.

Шедший впереди проводник задал хороший темп, и группа быстро продвигалась вперед. Среди паломников не было стариков, а ребяташки, как ни странно, вполне успевали за взрослыми, и даже пытались во время ходьбы играть в свои детские игры. Лисий Хвост был опытным ходяком, однако его несколько раздражало то, что тропинка все время шла вверх. Но с этим приходилось мириться – они шли в горы.

На обед они остановились на чудесной поляне, заросшей густой травой и яркими, сочными цветами. Только посреди поляны язвой чернело старое кострище. Именно на нем был разведен костер и быстро разогрета уже готовая похлебка, которую в большом бидоне тащил один из ослов. После короткого отдыха группа двинулась дальше. Теперь впереди шагал Длинный Кнут вместе с магистром и Светлым Ваном. И, конечно, рядом с магистром трусил его серый прихлебатель.

Ближе к вечеру паломники вышли из леса и оказались на высоком плоскогорье. Редкая низенькая трава пробивалась между огромными валунами, окруженными россыпями камней помельче. Едва заметную теперь тропку пересекала неглубокая и неширокая, но очень быстрая речка. Длинный Кнут скомандовал привал, и уставшие путники принялись под руководством проводников готовить стоянку. Работа была организована отлично, и буквально через несколько минут были поставлены небольшие палатки, разведен костер, над которым был подвешен большой котел, разгружены осла, а поклажа аккуратно уложена в центре лагеря.

Только Лисий Хвост не принимал участия в общей суете. Он отошел к краю отведенной под лагерь поляны и, усевшись на большой круглый валун, внимательно наблюдал, как багровое солнце медленно скользило вниз по небосклону, вытягивая себе на смену фиолетовую темноту ночи. Невдалеке от магистра примостился и Ван, не спуская с учителя внимательного взгляда. Длинный Кнут, распорядившись установкой лагеря, также то и дело бросал на магистра внимательный взгляд.

Неожиданно магистр повернулся к Вану и коротко бросил:

– Какое странное напутствие произнес настоятель – «Пусть всегда пребудет с вами Голос».

Вопроса в его голосе не было, но Ван ответил:

– Это традиционное напутствие монахов Замшелого Камня.

– А как называются другие монастыри?

– Стелющийся Поток – самый восточный, Брошенное Несчастье – на западе, Преклони Голову – северо-восточнее, Слово Хэлфа – северо-запад, ну и Поднебесный – на севере.

– Какие замечательные имена... – задумчиво проговорил Лисий Хвост. – И что, в каждом монастыре свое напутствие?..

– Да...

– И ты знаешь их все?..

– Это не сложно. В Стелющемся Потоке – «Пусть ясен будет твой Взгляд», в Брошенном Несчастье – «Да будет с тобой священный Рокот», в Преклони Голову – «Чтоб яд миновал твой язык», в Слово Хэлфа – «Пусть под твоей ладонью будет спинка ласковой кошки»...

Они помолчали, а затем Лисий Хвост словно нехотя произнес:

– Ты не сказал о Поднебесном...

Ван бросил на магистра долгий взгляд и тихо ответил:

– У монахов Поднебесного нет напутствия... У монахов Поднебесного есть проклятие... – И через секунду добавил еще тише: – «Чтоб тебе никогда не найти своего Пути...»

В этот момент Длинный Кнут позвал их ужинать.

Эту ночь Лисий Хвост спал в своей палатке спокойно и без всяких сновидений. Рано утром, быстро позавтракав, группа продолжила свой путь. Теперь он пролегал по крутым склонам гор, и путники брели, стараясь выдерживать задаваемый проводниками темп ходьбы, но это давалось им с большим трудом. На особенно трудном участке Лисий Хвост взял на руки одного из мальчиков, и это послужило сигналом для остальных мужчин группы. Скоро все четверо детей были на руках у взрослых.

Тропа была очень трудной, и тем более радостным было для путников зрелище вставшей впереди, на седловине перевала, светлой цитадели монастыря. Однако до его ворот группа дошла уже в глубокой темноте. Сил у людей хватило только на то, чтобы разбрестись по отведенным кельям и упасть на жесткие топчаны.

А утром начался праздник.

Это был странный праздник. Не было ни музыки, ни торжественных шествий, ни нарядной, отдыхающей толпы. Да и вряд ли на небольшом монастырском дворе можно было устроить карнавал, хотя людей в Поднебесный пришло очень много. Они прохаживались по двору, по стенам, окружавшим монастырь наподобие замковых, по многочисленным коридорам и переходам. При этом все как один были сосредоточенны и молчаливы.

Сначала Лисий Хвост подумал, что все они обдумывают тот единственный вопрос, который необходимо задать настоятелю, но скоро понял, что соискателей возможности познать Суть не так уж и много. Большинство явилось в монастырь со своими, достаточно тривиальными бедами, неурядицами, болезнями. Так что единственным, что напоминало о празднике, была яркая, праздничная одежда, которую надели приезжие. Правда, и монахи, достаточно многочисленные, были одеты в белоснежные, с голубоватым отливом, выглядывшие праздничными рясы, но оказалось, что это их повседневная одежда.

Проснувшись и приведя себя в порядок, Лисий Хвост вышел во двор монастыря. В своем темно-сером балахоне он выглядел среди принаряженной толпы достаточно необычно, но это его мало смущало. А вот отсутствие Светлого Вана, который, против обыкновения, не появился утром рядом с магистром, его очень нервировало. Лисий Хвост даже не предполагал, насколько за эти четыре дня он привык к молчаливому молодому человеку, ненароком ставшему его спутником.

Магистр потерянно бродил по монастырю, удивляясь, что им никто не интересуется, но тут к нему подошел один из монахов.

– Тебя желает видеть настоятель... – негромко пробормотал этот среднего возраста мужчина, не поднимая глаз. А потом, не дожидаясь ответа, он повернулся и пошел сквозь толпу. Лисий Хвост последовал за ним, и обрадовавшись, что о нем наконец-то вспомнили, и слегка заволновавшись от ожидания встречи с настоятелем, которым, как он помнил, была женщина.

Провожавший его монах нырнул в малоприметную низенькую дверь в стене и зашаркал по каменным ступеням вверх. Магистр прикрыл дверь за собой и в сгустившемся полумраке тоже двинулся по лестнице. Они молча поднялись на второй этаж и вошли в небольшую пустую комнату. Монах подошел к высокой двустворчатой двери, врезанной в противоположную стену, и постучал.

– Войдите, – раздался из-за дверей звучный голос, показавшийся магистру немного знакомым.

Монах, все так же не поднимая глаз, молча указал на двери, а сам, к удивлению магистра, быстро выскользнул назад на лестницу. Лисий Хвост прислушался к удалявшимся шаркающим шагам своего провожатого, а потом вздохнул и вошел.

Он оказался в просторном кабинете, обставленном со всеми возможными для рабочей комнаты удобствами. У противоположной от входа двери располагался обширный рабочий стол, к которому примыкал столик поменьше. У маленького стола стояло два стула с высокими прямыми спинками, а за большим столом в удобном рабочем кресле располагалась молодая, светловолосая женщина, в таком же, как и на остальных монахах, белом одеянии. Она что-то быстро писала в большой тетради и, бросив взгляд на магистра, кивнула в сторону одного из стульев, приглашая садиться.

Лисий Хвост уселся на стул и, положив руки на столик, принялся осматривать кабинет, дожидаясь, когда хозяйка освободится и начнет беседу. Несколько минут он любовался висящим на стене за настоятелем прекрасным гобеленом. Но вот хозяйка кабинета отложила перо и подняла на магистра ясные синие глаза.

– Скажи, магистр, зачем тебе познание Сути?

Вот такого начала беседы Лисий Хвост никак не ожидал! Он откинул капюшон и внимательно посмотрел на собеседницу. Его взгляд встретили спокойные, даже безразличные, глаза. Настоятельница молча дожидалась ответа. Магистр внимательно рассматривал ее лицо. Хозяйка кабинета не была красавицей, но она притягивала непонятым обаянием. Лисий Хвост отвел глаза и поскреб небритую щеку.

– Я не совсем понял вопрос, Познавшая Суть, – не очень уверенно начал он. – Неужели настоятельница Поднебесного удивлена тем, что житель далекого и достаточно дикого Юга стремится постичь ваше древнее учение? – Он пожал плечами.

– Я не настоятельница – я настоятель, – поправила магистра Кира. – И конечно, я удивлена. Неужели знания и умения такого чародея нуждаются в подпитке столь провинциальным учением? Ведь ищущий Суть – всего лишь ученик, пытающийся познать окружающий мир...

Она замолчала, ожидая ответа, а Лисий Хвост задумчиво рассматривал крысу, вцепившуюся в его посох. Наконец он перевел глаза на Киру и задумчиво начал говорить.

– Да, я многое знаю и многое умею. Но знаешь, Кира, иногда мне кажется, что все эти знания и умения всего лишь игрушки. Конечно, все это далось мне огромным трудом, но я до сих пор не представляю истинной картины Мира. Да, да, я знаю все теоретические построения всех известных мне религий. Только вот не складывается ни одно из них в правдоподобную картину. А я хочу знать или хотя бы достаточно точно представлять, что есть этот Мир. – Он помолчал и добавил: – Я уже давно ишу Суть...

Губы настоятеля тронула легкая улыбка.

– Значит, вопрос у тебя готов?..

– Готов, – улыбнулся в ответ Лисий Хвост.

– И ты готов пожертвовать другой своей целью?..

Магистр вскинул на нее удивленный взгляд.

– Ты же не один?.. – договорила она.

– Я не знаю, откуда у тебя такие сведения, но они неверны. Я вполне располагаю собой и не имею ни перед кем никаких обязательств.

– И располагаешь необходимым временем?

– И располагаю необходимым временем, – чуть запнувшись, ответил Лисий Хвост.

Кира снова улыбнулась.

– Страсть превыше долга!..

Магистр дернул головой, а настоятель, словно не заметив этого нервного движения, продолжила:

– Ну что ж, сегодня вечером ты пройдешь инициацию. И постарайся не забыть свой вопрос. Отдыхай, обед по колоколу в общей столовой.

Лисий Хвост поднялся и, легко поклонившись, направился к дверям. И тут за его спиной раздался звонкий серебристый смех, а затем:

– Магистр, ты же специалист по наваждениям! Неужели ты меня не узнал?!

Лисий Хвост резко повернулся.

За столом, в кресле настоятеля, сидел... Светлый Ван.

– Ты!.. – изумленно пробормотал магистр.

– Я, я, – веселился Ван.

– Значит, со мной рядом все время был... была... Но как?!

– Согласись, я должна была знать, кого несет в мой монастырь.

– Но как же я не почувствовал... не уловил... – Лисий Хвост не находил слов.

– Не расстраивайся, магистр. Просто ты был ослеплен близостью своей цели. И не обижайся на меня. Все равно ты величайший чародей, из всех, кого я знала. Готовь свой вопрос.

Лисий Хвост повернулся и, понунив голову, вышел из кабинета.

Он шагал, ничего не замечая вокруг себя. Он смотрел по сторонам и ничего не видел. Его голова была занята одним. Как могло получиться, что он в течение четырех суток не обнаружил рядом с собой наведенного морока? Хотя, конечно, намеки-то были очень ясные. Взять хотя бы эту чудную гостиницу за городом. Ведь он даже в город-то, в этот самый... в Торгт, не зашел. Или его сны...

Неожиданно кто-то дернул его за рукав и заорал буквально ему в ухо:

– Магистр, что это ты знакомых не замечаешь? Ишь, замечтался, так и упасть недолго.

Лисий Хвост поднял глаза и увидел, что рядом с ним, широко улыбаясь, стоит Длинный Кнут. И тут улыбка рыжего увяла, а лицо приняло озабоченное выражение.

– Э, святой отец, да ты не заболел? На тебе что-то лица нет.

Лисий Хвост через силу улыбнулся и пробормотал:

– Нет, я вполне здоров... Только вот очень ошарашен...

– Да кто ж тебя мог здесь ошарашить? К тебе, наверное, и подойти-то боятся, такая о тебе слава разнеслась!..

– Да-а-а, слава... – Лисий Хвост задумчиво поскреб щеку. – Что моя слава, вот у здешнего настоятеля небось слава! Я только что с ней побеседовал, вот и... потерял лицо...

Длинный Кнут довольно ухмыльнулся.

– Это точно! С ней не только лицо потерять можно, а и голову целиком. Только тебя она очень зауважала. Тогда на дороге она знаешь как испугалась этой дряни, что теперь камешком в твоём кармане валяется. Ее аж всю затрясло...

– Затрясло? Хм... Что ж она рядом со мной стояла... стояла... Тьфу ты, как сказать не знаешь!.. Если страшно было, чего подальше не отошла?

– Как же ей отойти, когда за ней ее люди наблюдали. Перед ними-то страха показывать нельзя... Да видно, и за тобой любопытно было наблюдать – это ж для нее наука. Самый момент был у знающего человека подучиться.

– Ну, на мой взгляд, она и так многое умеет...

– Многое, – согласился Длинный Кнут. – Так ведь чужое умение всегда притягивает. Любопытно...

– Любопытно... – протянул Лисий Хвост. – А мне вот любопытно, что за праздник у вас такой странный. Ни музыки, ни гулянья, ни выпивки с закуской...

И именно в этот момент с надвратной башни монастыря гулко разнесся удар колокола.

– Вот и выпивка с закуской, – отозвался Длинный Кнут. – Пойдем, святой отец, пообедаем. – И он потянул магистра в сторону прилепившегося к монастырской стене длинного и низкого здания.

Обед действительно напоминал праздничный пир. Народу собралось больше сотни, и среди собравшихся магистр насчитал более двадцати монахов. В середине зала на небольшом возвышении за маленьким столиком, на котором стоял высокий стакан синего стекла, в гордом одиночестве сидела настоятельница. Вокруг нее по всему залу были расставлены небольшие столики, но они, пожалуй, больше мешали собравшимся. Народ, поначалу толпившийся у дальней стены, у столов с разложенными яствами и расставленными кувшинами, бутылками и небольшими бочонками, потихоньку начал расходиться по залу. При этом каждый держал в руках тарелочку с отобраным угощением, на которой, как правило, стоял еще стакан или кружка. Люди дефилировали по залу парами или по трое, негромко переговариваясь и постепенно возвращаясь к угощению.

Однако постепенно места вокруг столиков в зале начали заполняться. Гости стали подтягивать к столам снесь целыми подносами и располагаться с большими удобствами.

Лисий Хвост и Длинный Кнут с самого начала заняли один из столиков поблизости от центра зала и уже успели обменяться с настоятельницей приветственными кивками. Магистр прихватил с собой всего лишь несколько кусочков копченого окорока да бокал темного, отливающего рубином, вина. Зато Длинный Кнут приволок целый поднос, на котором едва помещались тарелочки и мисочки с различными салатами, заливным, какими-то маленькими, отливавшими золотистым боком, копчеными рыбками, подрумяненными пирожками и прочей снедью. Венчал поднос здоровенный кувшин, на узкое горло которого была надета не менее солидная кружка.

– Ну, друг, я вижу, ты большой чревоугодник! – воскликнул Лисий Хвост, увидев поднос рыжего возчика. – Неужели все это и употребишь?

– А то как же!.. – рассмеялся тот. – Праздник-то один раз в году бывает.

– Так этот праздник надо было назвать не праздником Познания Сути, а праздником Большого Брюха.

Лицо Длинного Кнута внезапно стало совершенно серьезным.

– Ты не прав, магистр. Все эти люди сегодня действительно в какой-то мере познали Суть. Они ведь с самого утра задают свои вопросы и монахам, и настоятелю и получают ответы. И если бы они не были удовлетворены этими ответами, советами, рекомендациями, снадобьями и прочими услугами, поверь, они бы не выставили сейчас на стол такое угощение. Они уложили бы свои вещички и покинули монастырь. А ты видел, чтобы кто-то уехал?

Длинный Кнут, требовательно глядя в лицо магистру, ждал ответа, и тот вынужден был отрицательно покачать головой.

– То-то и оно... – Проводник был доволен. – Вот и получается, что у всех этих людей сейчас праздник. Именно праздник Познания Сути.

Он замолчал и отхлебнул из своей кружки темной, пахнувшей солодом жидкости. Потом вытер ладонью губы и, усмехнувшись, продолжил:

– Правда, когда они доедут до Замшелого Камня, им в голову придет, что они вполне могли бы и сами додуматься до того, что им посоветовали здесь. Так что полностью удовлетворенными будут лишь те, кого здесь вылечили...

– Так, значит, все это угощение – добровольное приношение паломников?

– А ты думал, это монастырь выставил? Да у монастыря такого съестного и быть-то не может. Этот день для монахов тоже вроде праздника, чтобы не забыли, какие на свете вкусные вещи есть.

– Неужели у людей, познающих Суть, нет возможности нормально питаться?

– Это как посмотреть. Что ты имеешь в виду под словом «нормально»?

– Ну, достаточно разнообразно и не впроголодь... – Лисий Хвост пожал плечами.

– Нет, в монастыре никто не голодает. Только посмотри, никто из монахов не ест ни мяса ни рыбы. Они считают, что живое существо не должно быть пищей. А человек не должен есть мертвечину...

– А ты так не считаешь?

– А я и не монах, – ухмыльнулся Длинный Кнут, впиваясь зубами в здоровенный шмат ветчины. – Да и ты тоже, – кивнул он с набитым ртом в сторону тарелки магистра. – А вот задашь свой вопрос да станешь послушником, придется от ветчинки-то отказаться!..

Возле их стола остановились двое богато разодетых мужчин и несколько смущенно поинтересовались, не великого ли Серого Магистра они имеют счастье лицезреть.

– Его, его, – радостно закивал Длинный Кнут и радушно предложил присоединиться к их столу. Один из подошедших тут же занял свободное место, а другой, бросив на свободный стул бархатный берет, поспешил к столам за угощением.

Магистр вдруг увидел, что сидевшая неподалеку настоятельница улыбнулась и подмигнула ему, и понял, что она слышала славословие в его адрес. Ему неожиданно стало неловко, словно он ненароком примерял чужое платье, и его застучали посторонние люди.

Он встал из-за стола и, наклонившись к рыжему проводнику, тихо спросил:

– А дозволено во время обеда обращаться к настоятелю?

Тот утвердительно кивнул.

– Только учти, она очень устала, – добавил он, торопливо проглотив кусок. Магистр медленно направился в сторону центрального стола.

Когда он подошел, настоятельница как раз освободилась – разговаривавшая с ней тучная женщина в роскошном ярко-красном платье поцеловала ей руку и с поклоном отошла.

– У тебя, Познавшая Суть, здесь прямо королевский прием, – стараясь выглядеть раскованным, заявил Лисий Хвост.

– Да, у меня здесь частенько и особы королевской крови бывают, – в тон ему ответила Кира.

– Значит, королевская семья тоже интересуется познанием Сути?

– Ты же сам знаешь – знание никогда лишним не бывает.

– Ну почему же? Я даже знаю пословицу, которая гласит: «Много будешь знать – скоро состаришься»...

– Какая странная пословица!.. – изумленно протянула настоятельница.

– Ты видела, – сменил тему разговора Лисий Хвост, – меня здесь узнают...

– Ну, это не странно. С недавних пор твоя слава в наших краях велика. И заслуженна! Я сама удивляюсь твоим знаниям и умениям...

Магистр опустил глаза и тихо, но внятно проговорил:

– Одно из знакомых мне учений утверждает: «Стоит тебе подумать, что ты что-то знаешь, и ты тут же окажешься в самом начале пути».

– Это мне понятно... – улыбнулась Кира.

Лисий Хвост вскинул на нее глаза:

– Скоро начнется испытание?

Настоятельница стала серьезной.

– Не торопись, Серый Магистр, всему свое время...

Лисий Хвост кивнул головой и отошел от стола настоятельницы.

А за его столиком вовсю шло веселье. Длинный Кнут и его новые собутыльники, уже прилично выпившие, размахивали своими кружками и пытались хором петь какую-то залихватскую песню. Увидев подходящего магистра, двое незнакомцев слегка смутились, но Длинный Кнут вскочил на ноги и заорал чуть ли не на весь зал:

– О! Наш магистр вернулся!

Потом он повернулся к своим притихшим друзьям и начал речь.

– Вы знаете, кто это? Это величайший маг нашего мира! Я лично сам видел, как он одним движением руки свернул в гальку огромную грозовую тучу с Хэлф знает чем внутри! А знаете ли вы, что эта самая галька до сих пор у него в кармане! Кроме того, у него есть друг, и вы ни за что не догадаетесь – кто это! – Он сделал эффектную паузу и внимательно оглядел заворуженно молчавших собутыльников.

– Это крыса!.. Но не простая крыса! Эта крыса... – Тут Длинный Кнут несколько потерял нить своих рассуждений, чем незамедлительно воспользовался магистр.

– Я, уважаемые, должен вас покинуть, поскольку мне предстоит еще кое-какая работа. А этого пустомелю не очень слушайте. На дороге он настоящий профессионал, а за пиршественным столом – несет всякую ахинею...

Он повернулся и пошел к выходу из столовой залы, а вслед ему неслись нетрезвые выкрики его нового почитателя:

– Нет, магистр! Я всем скажу, что такого чародея еще не бывало в Поднебесном! Это честь для монастыря, и они должны знать...

Но Лисий Хвост уже вышел на монастырский двор, направляясь в отведенную ему келью. Там он опустился на узкий, жесткий топчан и глубоко задумался.

А через два часа дверь его комнатки тихо отворилась. На пороге стоял укутанный в белое монах. Из-под надвинутого капюшона негромко прозвучал отрешенный, какой-то потусторонний голос:

– Великий маг, если ты все еще желаешь присоединиться к ищущим Суть, следуй за мной. – Затем, не дожидаясь ответа, белая фигура медленно повернулась и двинулась вдоль коридора.

Лисий Хвост вскочил, встряхнулся, словно отгоняя тяжелые мысли, и, прихватив свой посох, двинулся за проводником.

Они молча шли по полутемным коридорам, уходя в глубь горного массива, на котором возвышался монастырь. Магистр попытался заговорить со своим проводником, но тот не отвечал и даже не поворачивал головы, так что Лисий Хвост тоже поневоле замолчал. Так они шагали около часа, и магистр понял, что, несмотря на свою отличную память, он вряд ли самостоятельно отыщет дорогу назад. Наконец сквозь узкую каменную щель они вышли в огромную пещеру. Отсвет многочисленных факелов, горевших ярко и дымно, блистал на слюдяных вкраплениях гранитных сколов, освещая большой каменный помост, на котором стояло простое, незатейливое кресло. В нем как-то по-домашнему, устало, сидела настоятельница. Позади кресла стояли четыре монаха в привычных светлых рясах. А перед помостом выстроились пятеро соискателей права примкнуть к ищущим Суть, каждый со своим провожатым. К ним и пристроился магистр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.